

Мальчик с одним именем

Автор:

[Дж. Р. Воллис](#)

Мальчик с одним именем

Дж. Р. Воллис

Джонс и Руби в Пустынных землях #1

Руби и Джонс из разных миров. Она из самого обыкновенного, а он... из волшебного! Эти двое никогда бы не узнали друг друга, если бы не одно маленькое обстоятельство. Руби и Джонс получили не ту жизнь, которую бы хотели. Руби – настоящая бунтарка, жаждущая приключений. Она мечтает делать что-то действительно важное и классное, а не просто ходить в школу и сидеть в интернете, меняя одну приёмную семью за другой. А Джонс – мальчик из мира магии, ученик именитого мастера-Опустошителя, который учит его сражаться с монстрами. Но Джонсу совсем неуютно в этом мире, он стремится покинуть его и стать обычным мальчиком. Их миры сталкиваются! Руби и Джонс встречаются...

Дж. Р. Воллис

Мальчик с одним именем

J.R. Wallis

The boy with one name

Copyright © 2017 Rupert Wallis

© Долгая А.И., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Эта книга для всех, кто когда-либо боролся с чудовищами, будь они внутри нас или снаружи.

«Из всех видов огров, что встречаются в Пустынных землях, Неустрашимый, или Ведоркнеус, считается особенно свирепым. Как и все виды огров, наряду с любовью к человеческой плоти он демонстрирует невероятную агрессивность и огромную силу.

В отличие от остальных огров, Неустрашимый – не коренной житель Британских островов. Изначально этих существ разводили в неволе племени викингов из Скандинавии и привозили в Британию (начиная примерно с 793 года н. э.), чтобы они бились наряду с отважнейшими воинами, которые были также укротителями Неустрашимых».

Выдержки из «Карманного бестиария Опустошителя»

Англия

...ночью...

Глава 1

Джонс остановился. Раньше он чувствовал, что он в безопасности, когда спускался по ступенькам загородного дома в темноту. Однако теперь, когда луна выглянула из-за облаков и мир снова озарился мягким серебристым светом,

его стало легче обнаружить.

Он пытался сосредоточиться на обещании Мэйтланда, что ему никто не причинит вреда. Но сейчас, когда они прибыли на место, в это стало сложнее поверить. Боясь продолжить путь, Джонс оглянулся на своего спрятавшегося мастера в надежде, что тот позовёт его обратно.

Мэйтланд сошёл с гранитного крыльца, за ним скрывалась входная дверь дома, и остановился на дорожке – огромный, словно глыба в пальто. Он ничего не сказал. Его морщинистое лицо по-прежнему было скрыто козырьком бейсболки. Джонс сразу понял, что Мэйтланд призывает его продолжить путь, несмотря на яркую луну, ведь эта ночь была для его подопечного серьёзным испытанием. Не говоря ни слова, Джонс наглухо запахнул своё пальто и покорно поплёлся по дорожке, вымощенной брусчаткой, мерцавшей в лунном свете.

Высокий деревянный забор сменил побелённую стену дома. Подойдя к двери, Джонс беззвучно поднял щеколду и толкнул дверь локтем. Этого было достаточно, чтобы увидеть перед собой лужайку, а слева – дворик. У него перехватило дыхание, точно в горле застряла рыбья кость, как только он увидел, что слева от него кто-то есть.

Это был по пояс раздетый человек, стоявший к Джонсу спиной. Его рубашка и свитер были аккуратно сложены стопочкой на траве за ним. Мэйтланд оказался прав. Аркелл, человек, за которым они следили, пришёл в этот тихий укромный деревенский садик, чтобы насладиться луной.

Джонс наблюдал за Аркеллом всего лишь несколько дней. Это было довольно легко. Джонс время от времени наведывался в маленький магазинчик Аркелла и покупал сладости. Он бездельничал на улице: чеканил мяч об стену, считая секунды, минуты, а потом и часы. Вообще Джонс так удачно прикидывался обычным одиноким мальчиком, что Аркелл начал испытывать к нему жалость – приглашать к себе в свободное время, предлагать бесплатные сладости из больших пластиковых банок, что громоздились рядами на полках и были словно покрыты изнутри инеем из-за сахара.

Иногда Аркелл спрашивал Джонса о семье, и тот с удовольствием прикидывался, что семья у него была. Он придумал смешливую младшую сестру Джейн и маму с

тёмными волосами по плечи, использующую лавандовое мыло. Его отец всегда закатывал рукава до локтей и пил исключительно крепкий чёрный чай из своей кружки в голубую полоску.

Но всё то время, что они проводили за разговорами, Джонс мысленно подмечал странности Аркелла и быстро стал улавливать характерные признаки, которые научил его распознавать Мэйтланд: язык в форме луковицы и избыточное слюноотделение; зловонное дыхание; волосы, что слишком густо росли за низко сидевшими ушами. Джонс не понаслышке знал об одиночестве, вызванном отличиями от других людей.

Мэйтланд внимательно выслушал отчёт Джонса и решил, что стоит проследить за Аркеллом однажды ночью, когда луна будет яркой и почти полной, чтобы подтвердить свои подозрения. Вот так они и оказались здесь.

Джонс тихонько отошёл от двери, прикрыв её. Он прекрасно осознавал, что оборотни всех мастей могут меняться и без полной луны, если они периодически подзаряжаются лунным светом.

Мэйтланд уже стоял за его спиной. Несмотря на свои габариты, он передвигался тихо и частенько напоминал Джонсу, что ему только предстоит освоить этот трюк. В полутьме щетина на лице Мэйтланда казалась серебристой. На левой щеке красовался шрам, красный и воспалённый. Его серые глаза сверкали, как и всегда в подобных ситуациях.

– Он что, решил принять лунную ванну? – прошептал мастер. Когда Джонс кивнул, Мэйтланд ухмыльнулся, словно всё это время знал секрет Аркелла.

– Что-то нечисто в этих местах. Мы должны быть начеку. Когда здесь купается один оборотень...

– ...обычно приходят и другие, – тихонько повторил по памяти Джонс, и довольный Мэйтланд кивнул. Но затем его лицо вновь посуровело.

– Не забывай, – прошептал он, – это больше не человек.

Джонс кивнул и трясущейся рукой нащупал в кармане пальто рогатку, в то время как Мэйтланд вытащил старомодный револьвер. Они не выглядели ни на йоту удивлёнными, когда оружие с ним тихонько заговорило:

– Ты уверен, что мальчик готов, Мэйтланд?

Мэйтланд только кивнул и пристально взглянул на Джонса, ткнув пальцем в направлении двери:

– Мы будем прямо за тобой. Совершишь первое убийство – завтра уже будешь готов к инициации.

Прошла секунда.

А затем другая.

И ещё одна.

Джонс был неподвижен. Он знал, что хочет сказать Мэйтланду. Что он не готов к инициации, потому что вовсе и не хочет быть Опустошителем. Его завораживали простые люди – то, как они жили, вещи, которыми они владели и пользовались. Он хотел быть похожим на них. Но сказать это в лицо Мэйтланду было куда сложнее, чем представлять подобное, лёжа в постели.

Взгляд серых глаз Мэйтланда ожесточился.

Джонс отвёл глаза. Всё, что от него требовалось, – толкнуть дверь и точно выстрелить из рогатки. «Однако после этого стать нормальным было бы невозможно». Другие мысли тоже не давали Джонсу покоя. «Аркелл был добр к нему, когда он приходил к нему в магазин. Этот человек предлагал ему конфеты из банок. Он внимательно слушал мальчика, словно его друг».

Ужасную тишину нарушил хруст шин по гравию. Свет прокрался по извилистой дорожке, образовав яркую полосу на заборе рядом с ней.

Мэйтланд резко втянул Джонса в тень, на тропинку за домом. Целая череда мыслей пронеслась в голове мальчика. «Люди, которые здесь живут,

возвращаются домой... Аркелл забеспокоится... он уйдёт... потому что нет смысла светиться, если этот сад – его секретное место для купания в лунном свете». Джонс почувствовал, как гора упала с плеч, когда осознал, что этой ночью ему не придётся совершить первое убийство. А это означало, что инициации тоже завтра не будет.

Когда Мэйтланд заглянул за угол дома и тихонько выругался, Джонс тоже решил выглянуть. Душа его ушла в пятки. Не было никакой машины. Девочка примерно его возраста неуклюже ехала на велосипеде по мягкой мощёной дороге, освещённой единственным фонарём. А потом, чтобы себя подбодрить, она начала дрожащим голосом насвистывать песенку, заставив Мэйтланда выругаться ещё громче.

Несколько секунд спустя соломенная крыша над головами Джонса и Мэйтланда скрипнула, словно на неё что-то приземлилось. Они услышали глухое рычание. Шаги застучали по крыше домика.

Мэйтланд схватил Джонса за плечи.

– Для чего им нужно купаться в лунном свете? – Джонс только моргнул. – Ну же! Для чего?!

– Голод, – прошептал мальчик. – Это вызывает у них голод.

– И что теперь? – спросил Мэйтланд. – Теперь ты готов? – Но всё, на что оказался способен Джонс, – покачать головой, заставив своего Мастера что-то пробормотать.

Аркелл спрыгнул с крыши, приземлившись на дорожку перед домом. Когда он поднялся, превращение уже началось. Рёбра трещали, поскольку грудная клетка расширялась. Чёрные волосы разрослись на его спине и плечах. Кончик белого клыка блеснул в темноте.

– Мэйтланд, – зашипел пистолет. – Забудь про мальчишку. Аркелл – великан-людоед из класса Неустрашимых. Нам сейчас же нужно взяться за работу и закончить её самим. – Но Мэйтланд просто стоял, уставившись на Джонса. Он не дрогнул, даже услышав, как велосипед остановился и зашуршал по гравию, а затем загремел по дороге.

– Обсудим позже, – прорычал Мэйтланд, когда девочка закричала. А потом он выбежал из укрытия обратно на тропинку, в то время как револьвер умолял его нажать на спусковой кручок, возвестив, что он уже выбрал нужную пулю – с омелой и рябиной на кончике.

Джонс стоял в темноте, ругая себя и размышляя, что ему после всего этого скажет Мэйтланд. Затем он вернулся к реальности и побежал вслед за своим мастером, как и подобает хорошему ученику, держа рогатку в одной руке и серебряную дробь в другой.

Глава 2

Не переставая кричать, Руби поднялась и попятилась по подъездной дорожке прочь от своего велосипеда, колесо которого продолжало крутиться. Когда дыхание наконец сбилось, она остановилась в изумлении от происшедшего перед ней.

Освещённый жёлтым лучом фонаря, там стоял полураздетый человек, чья огромная тень неясно вырисовывалась на белой стене находившегося за ним дома. По крайней мере, раньше он был человеком, а теперь быстро превращался в нечто огромное. Его нижняя челюсть уже выдвинулась, словно ящик, обнажив Л-образный ряд острых белых зубов, с обеих сторон торчали короткие клыки. Его коричневые ботинки внезапно лопнули, словно рождественские хлопушки, и стали видны волосатые ступни с толстыми ногтями, закрученными на концах. Штанины его брюк треснули в области шва, прежде чем разойтись на широких серых бёдрах.

Руби слышала, как одна половина её мозга вопила «ЭТО ЧЁРТОВА ОГРОТРОЛЛЕМОНСТРОШТУКА», другая половина кричала, что подобные существа есть только в книгах, фильмах и кошмарах. Из-за этого раздрая в голове она и не знала, чему верить. Или о чём думать. Или что делать. Так что она была весьма рада, когда по дорожке рядом с домом побежал весьма обычно выглядящий человек, чья старая бейсболка закрывала глаза, а полы чёрного пальто развевались за ним. В поднятой руке он что-то держал.

Прозвучал выстрел, и огротроллештука взвыла.

Звук вернул Руби к реальности, и весь шум в её голове сжался до одной простой тихой идеи: стяни свой рюкзак и повернись как можно тише. Её вторая мысль была куда громче и конкретнее: БЕЕЕЕЕЕЕЕ-ГИИИИИИИ!

Мэйтланд выругался. Он не рассчитал точность выстрела в приглушённом свете фонаря и всего лишь зацепил огра. Револьвер оказался прав: Мэйтланд мог точно сказать по размеру и отличительным признакам существа, что оно принадлежало к классу Неустрашимых, типу Ведоркнеус, выведенному несколько веков назад для яростных битв и к тому же наделённому способностью быстро восстанавливаться, а это означает, что убить его можно только точным выстрелом.

– Гебид ми глэм, – пробормотал Мэйтланд и начал колдовать. Из белых искр на его ладони родился шар яркого света; он отпустил его в ночное небо. Когда он пролетал над домом, подобно крошечному солнцу, освещая дорогу внизу, Мэйтланд смог разглядеть кровь, чёрную, словно нефть, мерцавшую на бедре огра, его рана уже заживала. Мэйтланд снова прицелился и выстрелил.

Щепки полетели в разные стороны от окружавшего подъезд к дому забора на противоположной стороне. На этот раз Мэйтланд совсем промазал.

– Мэйтланд! – вскрикнул револьвер. – Что случилось, дружище?

Но в ответ Мэйтланд смог издать только протяжный, низкий, клокочущий звук, падая на землю под тяжестью второго Ведоркнеуса, прыгнувшего на него с крыши и пронзившего его шею клыком.

Джонс моментально осознал, что Мэйтланду суждено выжить и что рассвет ему придётся встречать в одиночестве. Он продолжил бежать по тропинке вдоль дороги, подняв свою рогатку, в тяжи он вставил серебряную дробь. Оказавшись достаточно близко, он остановился и натянул тяжи так, что защемило локоть.

Он видел, как шевелились губы Мэйтланда, в то время как огр стоял над ним, раскрыв огромные челюсти в попытке его прикончить. Но внезапно существо подняло голову, почувствовав присутствие мальчика. Когда оно взревело, слюна между его окровавленными клыками сверкала, словно жемчужные нити.

Джонс заставил себя пристально взглянуть в жёлтые глаза огра и только затем выстрелил.

Дробь, напоминая сосульку, полетела и пронзила огромный лоб чудовища прямо по центру, исчезнув в его черепе и оставив после себя аккуратную тёмную дыру. Огр моментально рухнул на дорогу возле Мэйтланда, дёрнулся и после оцепенел.

Руби видела, как второй выстрел Мэйтланда расщепил забор вдоль дороги. Пуля просвистела над её ухом, это заставило её остановиться. Осмотревшись, она заметила мужчину в пальто, прижатого к земле под второй огротроллештукой. Но как только она осознала, что первая размашисто шагала по дороге в её сторону, она усилием воли заставила себя побежать.

Это сработало только наполовину, поскольку правая нога шевелилась, а левая стойко сопротивлялась, из-за чего она буксовала по кругу на гравийной дороге. Руби замахала руками, словно мельница, в попытке удержать равновесие. Но эта попытка самым печальным образом провалилась, и она опрокинулась назад как раз в тот момент, когда к ней приблизилось чудовище. Дуновение горячего зловонного дыхания разделило длинные чёрные волосы на пробор, в то время как чудовище пролетело над её головой и врезалось в забор.

Приземлившись на дорогу с громким хрустом, Руби лежала и от страха часто моргала. По ночному небу легко и плавно пронеслась падающая звезда, и внутренний голос сказал ей, что и она исчезнет, если не продолжит бежать. Она присела и как раз в тот момент услышала мерзкое рычание – огротроллештука выбралась из разрушенного забора.

– Кеееееееег, – с явным усилием прошептал Мэйтланд, и слово растворилось в воздухе. – Ключююч!

Шея Мэйтланда была горячей и липкой от крови, и Джонс возился с висевшей на ней серебряной цепью. Наконец, он нащупал. Пропущенный через неё ключ

качался в дрожащих руках мальчика. Мэйтланд никогда не обсуждал ключ, необходимый для инициации Джонса. Так что момент настал. Никогда прежде такого не случалось.

Кровь окрасила зубы Мэйтланда, когда он улыбнулся, пожирая взглядом тело мёртвого огра, и попытался что-то сказать. Но у него получилось только кивнуть. Джонс положил ладонь на руку Мэйтланда и крепко сжал, словно мир мог в любой момент расколоться и отправить их в космос.

Из лёгких Мэйтланда выскользнул медленный, протяжный выдох. Его тело обмякло. И ночь сжалась вокруг Джонса, обхватила его горло чёрными пальцами, заполнив его глаза слезами.

– ДЖОНС! – вскричал револьвер, лежавший на гравийной дороге рядом с мертвецом. – Ты должен закончить эту работу. Тебе надо смотреть в оба, мальчик мой, как это сделал бы Мэйтланд. Иначе присоединишься к нему.

Джонс протёр глаза и заставил себя кивнуть. Он наконец услышал глухое рычание справа от себя и увидел Аркелла, всё ещё в виде огра, нависшего над девочкой. Она изо всех сил ползла по подъездной дороге в сторону основной. Но всякий раз, как ей удавалось проползти несколько метров, существо хватало её за лодыжку и тащило назад. Наконец, ему внезапно, кажется, надоела игра, и оно подняло девочку за ногу, заставив её кричать.

Джонс поместил ещё одну дробицу в тяжи рогатки и выбрал цель – огромный лоб огра.

Серебряный шарик исчез, словно крошечная падающая звезда.

Ничего, кроме биения сердца...

...а затем ужасного воя. Огр уронил девочку и резко обернулся лицом к Джонсу. Красный ручеек стекал по левой стороне его головы, однако рана быстро заживала. Джонс выругался и нащупал ещё один шарик в кармане пальто, в то время как существо, которое несколько минут назад было Аркеллом, с грохотом несло к нему.

Руби приподнялась на локтях как раз в тот момент, когда мальчик выстрелил ещё раз. Огротроллетштука приземлилась на ноги, разбросав повсюду гравий, дёрнулась, а потом застыла. На какое-то мгновение настала абсолютная тишина. Затем Руби услышала простые звуки: ветер, шелестящий в листве старого дуба у дороги... барабанная дробь её сердца, означающая, что она ещё жива... чирканье чёрных ботинок мальчика, проверяющего, мертво ли чудовище.

А потом глаза Руби сами собой закрылись, и последнее, что она услышала, – это удар её затылка о гравий.

Джонс стоял над потерявшей сознание девочкой, чьи чёрные волосы разметались по подъездной дорожке, и смотрел, как она дышит, понимая, что работа ещё не закончена. Рогатка начала скрипеть, когда он натянул тяжи, прицелившись в лоб девочки.

Но его рука остановилась, когда девочка застонала и открыла глаза, и он взглянул в них.

– Сделай это, Джонс! – закричал револьвер, всё ещё лежавший на гравии. – Это для её же собственного блага. Она превратится, если её укусили. Ты же знаешь, как это происходит с оборотнями и какие беды они разносят.

Лицо девочки исказилось, и она попыталась сжаться в комочек, осознав, что должно было с ней произойти.

– Пожалуйста, – проскулила она. – Хватит.

Разные мысли столкнулись в голове Джонса, как только он взглянул в эти голубые глаза, полные страха.

– Ты ранена? – спросил он, держа в дрожащих руках рогатку, готовую выстрелить.

– Я не...

– Оно тебя укусило?

– Давай же, – закричал револьвер. – Достаточно даже одной маленькой царапины от оборотня!

Джонс внимательно осмотрел девочку и решил, что она была его ровесницей. Он искал порезы или укусы – знаки, предупреждающие, что она могла превратиться в огра, пусть и небольшого.

– Джонс! – снова вскрикнул револьвер.

Внезапно где-то глубоко в сознании Джонса всё прояснилось; он как следует натянул тяжи и выстрелил.

Глава 3

Дробь отскочила от гравия и пролетела рядом с головой Руби, заставив её вскрикнуть.

– Встань, – приказал мальчик, уже успевший перезарядить рогатку. – В следующий раз не промахнись.

Руби медленно поднялась, не сводя с него глаз; камешки сыпались с неё, словно капли. Что-то непонятное продиралось сквозь её внутренности, и её начало тошнить.

– Следуй за мной, – продолжил мальчик, попятившись к дому, не упуская из виду Руби, которая пошла за ним. Он не был крупнее её. Его худощавое лицо было чумазым, а тёмные круги под глазами определённо делали его старше, чем он был на самом деле.

– Остановись здесь, – рявкнул он. Руби запнулась посреди дороги, всё ещё хорошо освещённой шаром света, который бросил в небо мужчина в бейсболке. – Посмотри на луну, – приказал он. – Мне надо увидеть, произойдёт ли с тобой что-нибудь. Тогда мы точно узнаем, прокляли тебя или нет.

Руби увидела луну над крышей дома – яркую и почти полную. Но она, хоть и сделала то, о чём просил мальчик, по-прежнему то и дело бросала взгляд на шар света, парящий над дорогой. Её мозг был перегружен, она силилась вычислить, как тот мужчина смог сделать подобное перед своей смертью, как вдруг внезапная дрожь охватила её тело, потому что она смогла вспомнить.

– У тебя кишка тонка, пацан, – закричал револьвер. – В чём смысл тут торчать – ждать, пока чёрт знает какая беда нагрянет? Как думаешь, что об этом сказал бы Мэйтланд?

– Нет тут больше Мэйтланда, – ответил мальчик, уставившись на Руби, словно он точно знал, что она подумала: «Как, чёрт возьми, пистолет вообще может разговаривать?»

– Он столько времени потратил на твоё обучение, – продолжил говорящий револьвер. – В смысле... ты же его ученик... а чтооо, есссли чё-то...

Голос звучал слишком приглушённо, чтобы его можно было услышать, потому что мальчик забросал револьвер кучей гравия и позволил себе улыбнуться. Руби заметила его искривлённую улыбку и слегка темноватые зубы. Вновь взглянув на неё, он опять показался серьёзным. Ей хотелось спросить про говорящий пистолет и шар света, но она опасалась заряженной рогатки, поскрипывавшей в его руках.

– Что ты здесь делаешь? – спросил этот чудной потрёпанный мальчик в пальто, которое было ему велико, с подвёрнутыми рукавами.

– Убегаю, – тихо ответила Руби. – Я собиралась сегодня ночью тут спать. Владельцы этого дома приезжают сюда только на выходные и каникулы. Я видела этим утром, как они уехали в битком набитой машине, когда я была в школьном автобусе. Я больше не могу оставаться со своими опекунами.

Мальчик нахмурился.

– Я знаю, что такое школьный автобус. Но никогда не слышал про «обекунов».

– Опекунов, – поправила Руби. – Семья, с которой ты живёшь, если с настоящей что-то не так.

– И что не так с твоей?

Руби на мгновение прикусила щёку и смахнула с брови приклеившуюся к ней прядку чёрных волос.

– Иногда родители недовольны детьми, которые им достались. В жизни не всегда всё так, как в слащавых семейных сериалах по телеку. Но ты, полагаю, это и так знаешь, – сказала она, бросив взгляд на тело Мэйтланда, в то время как по её телу прокатилась ледяная дрожь. – Послушай, что... – Руби запнулась и снова вздрогнула, сжав губы в тонкую линию. – Что, чёрт возьми, происходит?

Она обняла себя руками, пытаясь унять дрожь.

Мальчик выкопал ямку на дороге пальцем ноги и прокашлялся.

– Ты шокирована, потому что оказалась замешана в сверхъестественном происшествии, – сказал он. Руби показалось, что он хотел звучать авторитетно, потому что теперь мужчина в бейсболке был мёртв.

От внезапного скрипучего звука у Руби душа в пятки ушла. Но это оказался всего лишь пистолет, стряхнувший с себя гравий, которым покрыл его мальчик. Оружие выплюнуло камешек, и тот отскочил от лежавшего неподалёку велосипеда Руби.

– Джонс, нам надо произвести выжимку тел и уйти. Сейчас же! Пока ещё чего не случилось.

Мальчик кивнул:

– Револьвер прав, – сказал он Руби. – Оставаться тут опасно. Тебе повезло, – добавил он, опустив рогатку. – Тебя явно не поцарапали и не укусили, иначе бы луна тебя как-то изменила, если бы ты уже не была человеком.

Руби моргнула и ничего не ответила. В её голове теснились вопросы, которые она не знала, как задать. И для такой девчонки, как Руби Дженкинс, это было в новинку.

Когда Джонс опустился на колени перед Мэйтландом, ему показалось, что мёртвые серые глаза уставились на него с осуждением, словно мужчина винил его в произошедшем. Джонс прошептал, что его вины тут нет. Но он и сам не знал, верить ли этому. Его руки дрожали, когда он наклонился и прошептал, что Мэйтланд был мастером, о котором можно было только мечтать, и что он всегда будет о нём помнить.

– Может, позвонить в полицию? – спросила девочка, заставив его вздрогнуть. – Или в армию?

Джонс покачал головой:

– Обычным людям не надо об этом знать. Так принято. Это мы называем Орднунг – правила, по которым работаем.

– Ладно. Так кто, чёрт возьми, такие Опустошители? – выпалила девочка.

Тишина выжигала уши Джонса, в то время как он рассматривал девочку, понимая, что в её голове наверняка роилось много вопросов. Он знал, что если бы Мэйтланд был ещё жив, с помощью магии он бы заставил девочку забыть всё увиденное, потому что эти секреты раскрывать было нельзя. Но Джонс такого делать не умел, поэтому ему нужно было всё объяснить, хотя он сам куда больше хотел бы поговорить о телевизорах, раз уж девочка их упомянула. Он видел, как они мигали за занавесками домов по ночам, когда они с Мэйтландом выходили на охоту за существами. Но когда ему доводилось подползти к экрану в чужом доме, всё, что ему удавалось рассмотреть, – собственное отражение в чёрном стекле.

Он сделал глубокий вдох, прежде чем рассказать девочке то, что она хотела узнать:

– Опустошители охотятся на чудовищ, в существование которых обычные люди не верят. Про которых они думают, что те живут только в воображении или на страницах книг. В общем, всё не так. У них есть плоть, кровь и кости ещё. А Пустынные земли – это места, где мы на них охотимся.

– И где именно это находится?

– Большую часть времени – на границе жизни обычных людей. Вот как сейчас, ночью, когда они крепко спят. Или, может, в чаще большого леса, или в глубокой долине, куда люди никогда не заходят. Но иногда Пустынные земли могут быть прямо у людей под носом, а они и не подозревают ни о чём. Там живут самые разные существа, – пояснил Джонс, подумав про Аркелла, с которым он говорил в его магазинчике, а покупатели сновали туда-сюда. Он ткнул пальцем в мёртвого огра, лежавшего рядом с Мэйтландом. – Такие чудовища существуют столько же, сколько и мы, и всегда были люди, которые их истребляли. Некоторые из них стали первыми Опустошителями после того, как сюда из Европы пришли англосаксы с их знаниями об охоте. Первые монахи тоже их многому научили, когда они прибыли. Опустошители тренировались в монастырях, пока не организовали свой собственный тайный орден.

– Сколько тебе лет?

Джонс моргнул.

– Где-то в районе двенадцати. Я точно не знаю, но я не такой, как обычные мальчишки. Я не похож на них, – вздохнул он, нащупав в кармане пластиковую баночку, затем достал её и откинул крышку. Взяв щепотку блестящей коричневой пыли, он посыпал ей тело Огра, убившего Мэйтланда. Белый пар с шипением закружился в воздухе по спирали, а тело существа начало постепенно исчезать. Через несколько секунд от него ничего не осталось, кроме белой пены, как от волны на пляже. Джонс пнул её ногой, и в воздух взлетели масляные пузырьки, лопаясь в полёте.

Серебряный ключик тяжёлым грузом лежал в кармане Джонса, когда он занялся избавлением от тела другого огра.

В первые минуты после смерти Мэйтланда ему казалось, что не было иного выбора, кроме как почтить память своего мастера и пройти инициацию. Сколько

он себя помнил, именно к этому всегда готовил его Мэйтланд. И по этой причине Мэйтланд так отчаянно хотел отдать ему ключ, когда увидел, как Джонс наконец-то совершил своё первое убийство. Это был способ открыть необходимое мальчику, чтобы продолжить обучение в качестве Опустошителя и перенять знания своего мастера.

Но после, когда Джонс смотрел сверху вниз на молившую о пощаде девочку, в голове возникла другая версия будущего, похожая на сон. Теперь, когда не стало Мэйтланда, он получил возможность стать тем, кем так отчаянно хотел быть – обычным мальчиком. И он знал, что лежавшая у его ног девочка могла ему в этом помочь. Решение подождать и проверить, превратится ли она в огра, уже себя оправдало. Раньше он и не знал об опекунах. И он уже думал, что смог бы их найти с помощью девочки. «Разумеется, – подумал он, – я был бы первым в очереди, раз уж у меня не осталось никого после смерти Мэйтланда».

Нечто тёмное на цыпочках прокралось вниз по рёбрам Джонса, заставив его содрогнуться: тяжело было принять, что его мастер умер. Но было и что-то другое, изводившее его. Даже теперь не подчиниться Мэйтланду и не пройти инициацию казалось неправильным. Он пнул белые пенные останки того, что когда-то было Аркеллом, и подошёл к Мэйтланду.

Мальчик ткнул тело носком ботинка.

«Мэйтланда уже не вернуть, – подумал Джонс. – Никак. Даже с помощью всех его познаний в магии».

– Он был твоим отцом? – деликатно спросила девочка.

Джонс покачал головой:

– Он был моим всем. Нашёл меня ещё малышом в картонной коробке на ступеньках церкви однажды ночью и решил вырастить. – Джонс прикусил губу. – Я не был рождён Опустошителем. Никто им не рождается. Этому можно только научиться. Опустошители ищут себе учеников, как могут.

– Как тебя зовут?

– Джонс.

– В смысле, какая фамилия?

– Мэйтланд дал мне только имя, чтобы я осознал своё отличие от нормальных людей ещё в детстве. Взял его с первой попавшейся витрины. Ну хотя бы меня не зовут Джонс Зеленщик. – Он использовал одну из шуток Мэйтланда, вызвав вдобавок свою лучшую кривую улыбку. Но девочка не улыбнулась в ответ. Её лицо казалось бледным и маленьким в лунном свете. Джонс решил, что она ещё не отошла от шока. Или от испуга. Или от того и другого. Он решил как следует потрудиться, чтобы стать её другом, раз уж он решил учиться быть обычным мальчиком.

– Тебе, наверное, холодно, – сказал он, снял своё пальто и накинул его на плечи девочки, приподняв воротник, чтобы её шея была в тепле.

– Спасибо, – поблагодарила она.

Джонс смотрел, как она побрела в сторону своего велосипеда, прикидывая, как бы удачнее позвать её с собой. Он открыл рот и сразу закрыл. Сначала надо было сделать кое-что другое. Присев на колени, он порылся в карманах брюк Мэйтланда, пока не нашёл связку ключей, и встал. Когда он держал пластиковую баночку над телом Мэйтланда, его руки дрожали. Но это было одним из правил, по которым они жили, Орднунг, которым они были связаны, и Джонс знал, что Мэйтланд сделал бы с ним ровно то же самое.

Наклонив баночку с коричневым порошком, Джонс начал бормотать небольшой стишок:

«Страшиться не надо,

То лишь вирд – наш порядок.

Он гласит: что мертво —

Прочь из мира сего.

Страшиться не надо,

То лишь вирд – наш порядок.

Я не стану скорбеть,

Хоть судьба твоя – смерть.

Страшиться не надо,

То лишь вирд – наш порядок,

Что правит судьбой

И даёт нам с тобой

Сколько нужно – хлопот,

Радостей и невзгод,

Но страшиться не надо,

То лишь вирд – наш порядок».

Засверкала пыль, и тело начало таять.

И внутри Джонса тоже что-то таяло.

А потом, впервые за всю жизнь Джонса, Мэйтланда не было рядом, чтобы сказать ему, как жить дальше.

Руби подняла свой велосипед. Заднее колесо было искорёжено, и вся конструкция шаталась, когда она толкала её взад-вперёд. Вообще на нём ещё можно было ехать, но куда? Ей не хотелось оставаться в том доме после того, что произошло. Но и возвращаться к своим опекунам не хотелось. Первые несколько недель с семьёй Тэйлоров прошли не очень хорошо, и она знала, что в итоге её передадут кому-то ещё, как это уже бывало раньше. Кажется, у неё никогда не получалось ладить с людьми, потому в тот день она решила, что свою судьбу надо определять самой, раз уж никто не смог это сделать за неё.

Она наблюдала за Джонсом, стоявшим у кромки пены – вернее того, что осталось от Мэйтланда, – и задавалась вопросом: кто же этот мальчик, который

спас ей жизнь? Конечно, она была ему благодарна, но что ей нужно было делать теперь? Её восторг от идеи побега заметно померк, когда она осознала, что существуют Пустынные земли, что в мире есть опасные чудовища, которых она и представить не могла. И в тот момент в её голове зажглась идея, словно упавшая с ночного неба: а что если и она будет Опустошителем, как этот мальчик, и научится магии? Она смогла бы оставить в прошлом прежнюю Руби и начать новую жизнь, как и хотела, и тогда больше не пришлось бы бояться никаких монстров.

Джонс услышал в отдалении вой, который посчитал слишком громким и протяжным для собаки.

– Мне надо идти. – Тут опасно оставаться. Что-то привлекает сюда существ. – Он защёлкнул крышку пластиковой баночки и тщательно взвесил каждое слово, не зная, как лучше позвать девочку с собой. Пока он шаркал ногами, пытаясь придумать, что сказать, шар света, который Мэйтланд отправил в полёт, зашипел и начал блёкнуть.

– Слушай, спасибо, что спас мне жизнь, – выпалила девочка, – и что потом не убил меня, – добавила она. Джонс улыбнулся и стал ждать продолжения. Но она, кажется, с трудом подбирала слова, то открывала рот, то закрывала, то снова открывала.

Пока они пристально смотрели друг на друга, револьвер на дороге неодобрительно цокнул и пробормотал:

– Джонс, ты не сделал никакого мирканга.

– Я не буду заморачиваться с отметками огров, которых я убил.

– Почему? Это твои первые убийства! Они важны.

Прежде чем Джонс успел ответить, шар света над ними погас и исчез с громким хлопком. Джонс собрался с духом. Оказалось, что в темноте легче сказать девочке то, что он хотел.

– Можешь пойти ко мне домой, если хочешь, – сказал он. – Хотя бы до того времени, пока не придумаешь, что делать дальше.

– Я была бы рада, – быстро ответила девочка. – Правда. Если ты уверен, конечно.

– Да. Я уверен.

Как только их глаза привыкли к лунному свету, оба обнаружили, что улыбались друг другу.

– Кстати, я Руби.

Джонс улыбнулся, лопнув масляный пузырь ботинком. Мэйтланд ушёл навсегда.

– Нечего тут оставаться, – сказал он, показав связку ключей. – Я поведу машину.

Глава 4

Фургон марки «Фольксваген» цвета зелёный электрик представлял собой модель Т 2 производства 1979 года. Мэйтланд со всей возможной тщательностью отремонтировал машину, купленную у старого Опустошителя, который много лет ею не пользовался. Джонс помогал мастеру изо всех сил, смазывая и соединяя внутренности, заставлявшие транспортное средство работать. Мальчик знал о двигателях куда больше своих ровесников. Он мог вытащить и прочистить свечи зажигания, приладить патрубки и проверить их давление. Мэйтланд даже научил его чистить цилиндрические детали: сначала вытащить их, а потом соскрести нагар с головок.

Салон фургона был переделан специально под их потребности. Тут была газовая плита с четырьмя конфорками и духовкой, белый складной стол и множество шкафчиков для хранения. Были даже раковина и металлическая сушилка. Когда стол складывали, двойные сиденья с обеих сторон выдвигались, образуя постель для Мэйтланда. Джонс спал на тонком матрасе, уложенном поперёк передних сидений, обычно свернувшись в клубок, словно кот, после долгого дня. В случае назначения на определённый участок или длительной охоты этот фургон

становился для них домом.

Джонсу нравились такие ситуации, потому что тогда ему разрешалось водить. Мэйтланд заколдовал окна и лобовое стекло таким образом, что казалось, будто это он ведёт машину, когда за рулём был Джонс. Сиденье достаточно меняло уровень, чтобы мальчик видел дорогу, педали тоже поднимались. Когда Джонс вёл машину, Мэйтланд мог отдохнуть, поработать над изобретением зелий и заклинаний и поразмышлять, какие случаи могли им ещё подвернуться, пока они были за работой. Умение Джонса водить машину означало ещё и то, что он был полезен в случае возникновения чрезвычайных ситуаций.

Теперь это было бесценно.

Руби вцепилась в краешек своего сиденья и нервно сглотнула, когда Джонс повернул ключ и двигатель с шумом ожил. Мальчик отпустил рычаг ручного тормоза, без колебаний выбрал первую скорость на коробке передач и затем выехал с поля, где и был спрятан фургон, на дорогу.

Фары сверлили темноту развернувшегося перед ними туннеля, образованного живой изгородью с обеих сторон. Изредка луна неожиданно выскакивала на небо и снова исчезала. Велосипед Руби время от времени дребезжал, опёршись о стол рядом с её рюкзаком в салоне фургона.

Мальчик, кажется, точно знал, что делать: он аккуратно обращался с рулём, следуя за поворотами и изгибами дороги.

Чтобы проверить степень его концентрации и немного отвлечься самой, Руби достала пластинку жвачки из кармана. Но Джонс не сводил глаз с дороги, даже когда она сняла обёртку со жвачки, свернула её буквой М, прежде чем отправить в рот, и начала громко жевать. Убедившись, что он был всецело сконцентрирован на работе, она откинулась на кожаном сиденье. Так вышло, что глухой ночью она оказалась в фургоне, который вёл мальчик, причём не просто её ровесник, а ещё и спасший её от огра. Как выяснилось, вдобавок ко всему опасного. По пути к фургону Джонс сообщил ей, что тот оборотень не только был равнодушен к лунному свету, но ещё и относился к классу Неустрашимых. Если бы ей кто-то сказал подобное до того, как она улизнула из дома своих опекунов, она рассмеялась бы этому человеку в лицо.

К чему всё это могло привести, она и сама не была уверена. Но она могла представить, какую суматоху устроит утром её приёмная мать, обнаружив пустую постель. Руби знала, что её неизбежно начнут винить за доставленные неудобства, потому что с ней такое случалось всегда.

Она закрыла глаза и зажала ладонями уши. Она словно находилась под водой и представляла, что плавает в тёплом море рядом с собственным тропическим островом. Она разучила такой трюк для ситуаций, когда реальность было трудно принять, она использовала его в случаях, когда ничего не могла контролировать.

Руби почувствовала, как её дёрнули за руку. Она убрала ладони от ушей, впустив обратно грохот двигателя фургона. Джонс бросал взгляд то на дорогу, то на неё, то опять на дорогу.

- Ты в порядке? - спросил он с искренней заботой.

- Всё нормально. Я просто так делаю, чтобы отгородиться от мира. - Она жевала жвачку и улыбалась. Но вопрос словно рикошетом вернулся к ней. - Когда мне нужен тайм-аут.

Джонс на мгновение задумался и кивнул. Он никогда не слышал про тайм-аут, но точно понимал, что она имела в виду. Он снова на неё взглянул:

- Как ты можешь есть и не глотать?

- Только не говори, что ты никогда не пробовал жвачку!

Когда Джонс покачал головой, Руби порылась в кармане и распаковала ещё одну пластинку. Удерживая руль обеими руками, Джонс раскрыл рот, словно птенец, и Руби сунула туда жвачку.

- Жуй, - посоветовала Руби, - и не глотай.

Они сидели в тишине, жуя, словно коровы, пока тишину не нарушил приглушённый голос:

- Вытащи меня осюда.

Руби изогнулась на сиденье и извлекла револьвер из кармана пальто Джонса, которое всё ещё было на ней.

– Джонс! – прошипел он. – Нам надо поговорить.

– О чём? – спросил мальчик, не переставая жевать.

– О том, что будет дальше, само собой.

– Не сейчас. Время неподходящее, – ответил Джонс, и револьвер проворчал что-то себе под нос.

Руби никогда раньше не держала в руках оружие и сейчас не была уверена, что ей нравилось это ощущение. Его ворчание тоже особо к себе не располагало. Так что она осторожно поместила его на приборную панель дулом от себя.

– Почему ты не мог его взять? – спросила она, взглянув на Джонса.

Револьвер рассмеялся и ответил за мальчика:

– Мэйтланд наложил на меня заклинание. Если Джонс хоть пальцем меня тронет, я выстрелю в него перцовым спреем. Конечно, Мэйтланд никогда ему об этом и не рассказывал, так что глупый мальчишка получил своё, как только любопытство одержало верх.

– Я был маленький, – пояснил Джонс для Руби. – Просто хотел почувствовать, каково это – держать револьвер.

– Чему тебя всегда учил Мэйтланд, мальчик мой? – усмехнулся револьвер.

– Что доверие – фундамент истинной дружбы, – ответил Джонс, словно читая вслух на уроке. – Особенно для мастера и его ученика, ведь они должны полагаться друг на друга в Пустынных землях.

– И из-за этого заклинания ты можешь говорить? – спросила Руби револьвер.

– Из-за этого заклинания он много чего может, – ответил Джонс. – Например, стрелять любыми пулями в любое необходимое время.

– И как накладывают заклинания?

– С помощью магии, разумеется, – отрезал револьвер. – Как ещё, по-твоему, Опустошители выживают, когда охотятся за существами? Они умеют пользоваться магией. Это их величайшая тайна. Как только ученик проходит инициацию, ему передают магический дар, и он может учиться его использовать – заклинания, чары... всё, что нужно. Так ведь, Джонс?

– Вроде бы, – только и ответил мальчик, пожав плечами.

– Инициация? – переспросила Руби.

– Поэтому Мэйтланд и отдал ключ перед смертью, – сказал револьвер. – Так, Джо, почемууу...

Джонс так круто свернул влево, что револьвер с грохотом пронёсся по приборной панели и упал в карман на двери.

– Чёрт возьми, – произнёс Джонс, не сводя глаз с дороги, и ловко пережал верхушку револьвера тряпкой, чтобы не дать ему выскользнуть и заодно заглушать его болтовню.

Руби вернулась на своё сиденье, раздумывая, как изменилась бы её жизнь, если бы она владела магией. Можно было бы легко разбогатеть или получить всё, что хочется. Может, тогда родители захотели бы снова её увидеть. Ей понравилось слово инициация. Оно звучало важно и официально.

Что-то в другом кармане пальто Джонса неудобно упиралось ей в бедро, и она вытащила тонкую красную книжку с названием:

Бестиарий Опустошителя

Карманная версия

Пролистав книгу, она обнаружила, что все страницы были пусты.

– Она выдаёт только ту информацию, о которой попросишь, – предупредил Джонс. – Даже основными книгами о существах можно заполнить три или четыре фургона. В Пустынных землях тебя много что может убить. – Он указал пальцем на приклеенную к приборной панели вырезку из газеты «Индепендент» за 2009 год с заголовком: «Пропавшие: каждый год исчезают 275 000 британцев». – Тут говорится, что большинство людей возвращаются, – сказал Джонс. – Но некоторые не возвращаются, и теперь ты знаешь главную причину. Вот почему Мэйтланд прицепил это сюда, – добавил он, – это чтобы напомнить, как важна наша работа.

Спустя час, когда Джонс заглушил двигатель, крытый соломенной кровлей дом завиднелся в свете фар, словно прямоком из сказки. Руби спала, склонив голову на плечо, и прядка чёрных волос свисала поверх её брови, качаясь от дыхания.

Тихонько, чтобы её не разбудить, Джонс снял тряпку с револьвера, лежавшего в кармашке двери. – Тебе меня слышно?

– Мы уже дома? – пробормотал револьвер.

– Да.

– Тогда пусть девчонка меня возьмёт, мальчик мой. Тут столько пыли и грязи, что я сейчас задохнусь, – проворчал он.

Джонс наклонился ближе и понизил голос:

– Не вздумай рассказывать Руби про магию, инициацию и прочее в этом духе.

– Почему?

– Потому что всё это не имеет значения. Я не буду Опустошителем.

Раздалось громкое цоканье.

– Так и знал, что ты не просто так не стал пометать свои сегодняшние убийства. Я всегда думал, что ты станешь для Мэйтланда разочарованием, пацан, и именно это и произошло после его смерти. И что насчёт меня? Что теперь произойдёт со мной?

Но Джонс ничего не ответил. Вместо этого он аккуратно прикоснулся к руке Руби:

– Руби?

Девочка пошевелилась. Она вяло разлепила свои большие глаза. Ей снилось, что она получила волшебную палочку и каждый день отмечала день рождения.

– Мы на месте, – сказал Джонс, указав на домик.

Глава 5

Когда они открыли входную дверь, лампы в коридоре загорелись сами собой. На них не было штепселей или проводов. Руби стало интересно, чем ещё это место отличалось от обычного дома.

– Подожди здесь, – попросил Джонс, пройдя вперёд, – и ни к чему не прикасайся, – предупредил он, прежде чем исчезнуть за дверью в конце коридора. У Руби было такое чувство, будто она оказалась в хорошо организованном антикварном магазине или доме престарелых, потому что мебель выглядела потрёпанной и не сочеталась. Она провела пальцем по деревянному комоду, стоявшему рядом. Никаких следов пыли. Она сняла рюкзак и тихонько прочистила горло.

– Абракадабра, – прошептала она, сделав круговое движение рукой и указав пальцем на лампу, стоявшую на комоду. Револьвер в её кармане замеялся, и она поняла, что он это услышал. Лицо Руби покраснело от стыда.

– Как насчёт чего-то попроще? – произнёс револьвер, не переставая хихикать. – В кабинете Мэйтланда есть ореховый шкаф, где меня обычно хранят. Я хотел бы туда вернуться.

– Но Джонс сказал...

– Это займёт всего минуту. Он всё равно тебя в итоге попросит об этом, потому что он не может ко мне прикоснуться.

– Да, но...

– Я могу показать тебе магию, если ты, конечно, хочешь.

Желая увидеть столько магии, сколько вообще возможно, Руби вытащила револьвер и кинула пальто Джонса на стул с красным бархатным сиденьем.

– Иди прямо по коридору, – сказал револьвер. – Потом поверни направо и иди дальше.

Руби прошла по тёмно-красной ковровой дорожке до конца коридора и свернула налево, в другой длинный коридор. Лампочки в облачении абажуров, висевшие под потолком, включились, как только Руби прошла под ними, и она улыбнулась.

– Мэйтланд их заколдовал таким образом, чтобы они загорались ночью, если кто-то проходит мимо, как и лампы в прихожей. Но это ерунда, – заявил револьвер, – по сравнению с другими вещами, которые умел делать Мэйтланд.

– Типа того светового шара над домом?

– Детский сад! – провозгласил револьвер. – Ты чему угодно можешь научиться, если станешь Опустошителем.

– Я? Опустошителем? – Руби пыталась изобразить удивление, но её воображение уже разыгралось, представляя, какой крутой она могла бы стать с помощью магии.

– О, нет! – рассмеялся револьвер. – Девчонки не могут стать Опустошителями.

– Почему?

– Это противоречит Орднунгу. Девочки не могут научиться магии. – Руби остановилась, сморщив лицо, словно откусила кусок лимона. – Это традиция, и ты не можешь против неё пойти, не так ли?

– Но...

– Однако... – Револьвер прочистил горло для большего драматизма. – У меня есть всё же альтернативное предложение, которое могло бы тебя заинтересовать. Мы с тобой в любом случае могли бы стать командой. Просто представь, как мы вместе охотимся. Мы показали бы этим Опустошителям, куда им надо засунуть свой Орднунг. Мы могли бы даже прославиться... само собой, если ты достаточно долго проживёшь.

Руби зашагала по коридору. Работа с револьвером звучала интригующе. Но она очень быстро решила, что это далеко не так интересно, как умение накладывать чары и использовать заклинания. «Стать первой девочкой среди Опустошителей, чтобы научиться магии, – вот что было бы по-настоящему уникально», – подумала она, тут же задавшись вопросом, насколько такое вообще возможно с учётом того, что она уже слышала про Орднунг. Но она не сказала это вслух. – Можно мне подумать? – спросила она. – Всё, что я видела чуть раньше, показалось мне довольно страшным.

– Как пожелаешь. Но помни: я револьвер высокого калибра, которым отчаянно хотели бы владеть многие Опустошители. У меня и документы есть в подтверждение.

Они дошли до тяжёлой дубовой двери, и револьвер приказал Руби её открыть, что она и сделала, после чего увидела кабинет Мэйтланда. Большая люстра, парящая под потолком, начала светиться, из-за чего казалось, что деревянный пол зашевелился.

В комнате стоял затхлый запах старого пергамента и чернил. Стены были заставлены полками с нагромождёнными на них книгами, и Руби быстро пробежалась глазами по названиям из ближайшего к ней ряда: «Полное руководство по гоблинам Восточной Европы», «Гоблины и их пищевые

привычки», «Хорошие гоблины – всего лишь миф?» Следующая полка была заполнена книгами про троллей. Взглянув на первый же заголовок – «Зубы троллей: завораживающий взгляд внутрь (дёсны и всё остальное)», – она потеряла интерес и перешла к другой стене, где у всех книг были одинаковые чёрные корешки, хотя на каждой был тиснённый золотой номер. Она выдернула номер 27 и открыла, обнаружив испещрённые аккуратным почерком страницы.

– Это дневники Мэйтланда, – подсказал револьвер. – Он записывал отчёты после каждой охоты, на которую когда-либо ходил. Я упомянут во многих из них.

Руби бегло просмотрела страницы и остановилась на одной из записей.

Охота 27.8

17 июля 1992 года

Гуль – Марлоу, Бакингемшир

Ниже был краткий отчёт о том, как Мэйтланд поймал и предал смерти гуля, которого он обнаружил скрывающимся в заброшенном доме. Она осмотрела полки. Дневники были пронумерованы вплоть до номера 103.

– Мэйтланд был отличным Опустошителем, – сказал револьвер. – Одним из лучших. Я-то уж точно знаю, потому что работаю только с лучшими из лучших. Это очень, очень грустно, – слегка дрогнувшим голосом произнёс револьвер, – осознавать, что его больше нет. Мы столько всего вместе пережили. Это ведь он меня заколдовал, чтобы я мог разговаривать. Полагаю, теперь я смогу, по крайней мере, рассказать о его великих делах. А теперь, если не возражаешь, я бы отдохнул после тяжёлого дня. Мне нужен деревянный ящик на столе. Он заколдован, чтобы поддерживать меня в чистом и отполированном состоянии, в чём я весьма нуждаюсь.

Большой стол, стоявший посреди комнаты, был покрыт кипами бумаг и грудями книг и тетрадей. Под этой кучей барахла Руби смогла разглядеть зелёную кожаную поверхность, украшенную по краям золотым тиснением. Открыв тёмный деревянный ящик, она положила револьвер внутрь, на красную

бархатную подкладку.

– Ну так что, мы обсудим моё предложение завтра? Насчёт того, чтобы вместе прославиться?

– Конечно, – ответила Руби, улыбнувшись своей самой обаятельной улыбкой. Закрыв крышку, она услышала, как револьвер удовлетворённо вздохнул, и это ей напомнило, как она обычно ложилась спать после долгого дня. Но сейчас Руби не чувствовала усталости.

Она отодвинула кресло от стола и уселась на потрескавшееся коричневое кожаное сиденье во впадину, которая явно образовалась за многие годы под весом Мэйтланда. Спинка кресла скрипнула, когда она отодвинулась от стола, и издала такой же звук, когда она опять придвинулась к нему. Её взгляд был прикован к человеческому черепу в дальнем левом углу стола, который Мэйтланд явно использовал в качестве пресс-папье. Кость была блестящей и гладкой, и вообще череп был в хорошем состоянии, однако зубы были чёрными и острыми, словно большие свинцовые держатели для карандашей. Руби заворожённо потянулась через стол и сунула пальцы в глазницы, словно хотела поднять шар для боулинга. Она поставила череп на грудку книг перед собой.

– Теперь ты не такой уж и страшный, да? – прошептала она. – Не ровня Опустошителю. – Имя, соскользнувшее с её языка, звучало просто отлично. – Вот такая она, эта Руби Дженкинс. Опустошительница, первая девочка, работающая в Пустынных землях и владеющая магией. Она-то уж точно им укажет, куда они должны засунуть свой Орднунг.

Руби едва успела заметить какое-то движение и заглянула в большую банку, стоявшую в противоположном углу стола, внутри которой клубился серый туман; крышка была плотно закручена. Руби была уверена, что до этого банка была пустой. Наклонившись вперёд, чтобы рассмотреть получше, она подпрыгнула, когда два зелёных глаза материализовались и моргнули. Затем маленький рот появился и оскалился, обнажив крошечные жёлтые зубы, похожие на колючки ежевики. Как только рот выдохнул, отчего стекло запотело изнутри, появился единственный палец с длинным ногтем и написал в обратную сторону, чтобы она это прочитала:

Руби уселась обратно в кресло, решив, что открыть банку – вряд ли хорошая идея. Вместо этого она изучила содержимое трёх ящиков на левой стороне стола. Они были по большей части пусты, не считая карандашей и чистых листов бумаги, а в самом нижнем нашёлся ключик медного цвета. Подёргав единственный ящик справа, Руби поняла, что он заперт.

Когда она засунула в скважину медный ключик, то обнаружила, что он подошёл идеально, и открыла ящик. Внутри было пусто. По крайней мере, так казалось, пока не выкатился в зону видимости чёрный камень овальной формы. Руби не задумываясь схватила его, поскольку тот выглядел очень красиво: с крошечными прожилками серебра по всей поверхности. Он оказался куда легче, чем можно было ожидать, и вдобавок был очень холодным.

Камень немедленно поменял цвет на тёмно-красный, словно отреагировав на тепло её руки, и серебряные прожилки исчезли, как только посередине образовалась трещина. Из горла Руби вырвался едва слышный выдох, когда до неё дошло, что она держала не камень, а какое-то яйцо.

Прежде чем она успела положить его обратно в ящик, верхушка яйца откололась под давлением мохнатой мордочки, и на свет появился миниатюрный щенок размером с птенца, с чёрной, словно ночь, шерстью, к которой прилипли куски скорлупы. Руби уставилась на существо, которое выкарабкалось из остатков яйца, уронив его на пол, и прыгнуло в руку Руби. Щенок повозился в её ладони и наконец уселся, моргая и хныкая, как и любой младенец.

Руби не была уверена, что именно представляло собой существо. Очевидно, это была не обычная собака, и не только из-за размеров – вдобавок чёрная шерсть колелась, а кончики ушей были красными и сочетались по цвету с глазами. Когда существо попыталось встать и сразу же упало обратно на неровную поверхность ладони, Руби умилилась, слегка толкнула его пальцем, что помогло ему подняться. Как только существу удалось устоять на четырёх трясущихся лапах, оно открыло рот, Руби подумала, что оно зевает и милее она ничего в жизни не видела.

Но вдруг оно укусило её за палец острыми, словно иголки, зубами.

Руби потрясённо выдохнула, махая рукой в попытке стряхнуть существо. Но оно крепко держалось с помощью когтей. Когда она попыталась оторвать его другой рукой, щенок зарычал, показав окровавленные белые зубы. И снова укусил её за палец, заставив Руби поперхнуться от изумления, когда под средней костяшкой пальца появился крошечный полумесяц.

В панике она схватила первый подвернувшийся под руку предмет, которым оказался череп, и изо всех сил размахнулась и ударила крошечную тварь, отправив её в полёт. Существо распласталось, словно чёрная четырёхконечная звезда, ударившись о большую стеклянную банку, а потом сползло на стол и замерло.

Банка покачнулась и соскользнула с края стола, прежде чем Руби могла попытаться её удержать. Девочка услышала, как она разбилась о деревянный пол.

Джонс возился под раковиной на кухне, когда услышал крики Руби. Он пытался достать вазу для фиалок, которые он спешно нарвал в саду в попытке произвести хорошее впечатление. Он выпрямился, ударившись головой о холодную медную трубу, и выругался.

Клокочущий смех разнёсся по дому, когда Джонс вылетел из кухни, и этот смех был ему отлично знаком. Услышав очередной крик, Джонс поспешил к кабинету Мэйтланда и открыл тяжёлую дубовую дверь.

Босая Руби забилась в угол комнаты, а пятеро чертенят, покрытых серой чешуёй, стояли у неё на плечах и тянули её за волосы. Каждый был ростом с ладонь и имел заострённые ушки, разветвлённый вилкой хвост, острые жёлтые зубы и зелёные глаза. Ещё двое сидели на полу, вытягивали шнурки из кроссовок девочки и пытались отковырять подмётки, в то время как ещё двое взгромоздились на книжную полку, распарывая нитки на её белых шерстяных носках с помощью длинных когтей.

Стоило Джонсу хлопнуть в ладоши, как чертенята моментально прервали свою деятельность.

– А ну построились, живо! – закричал он, и существа быстро встали в ряд перед ним, сложив руки за спинами, словно нашкодившие школьники. Джонс поддел стекло на полу носком ботинка. Он куда больше удивился, увидев крошечную чёрную собаку, неподвижно лежащую на краю стола. Когда он поднял существо за шиворот, оно поникло, словно увядший цветок.

– Оно меня укусило, – шмыгнула Руби.

– Ну естественно, – отрезал Джонс. – Он был голодным, потому что только вылупился. И как это только произошло, интересно? – спросил он с сарказмом. Джонс осмотрел существо и увидел кровь на его мордочке, совпадавшую по цвету с ушами.

– Оно умерло? – спросила Руби, когда Джонс нащупал пульс на его горле.

– Нет. Гончие Скакка довольно выносливы, даже щенки. Он будет жить. – Джонс скovyрнул крошечный кусочек тёмно-красной скорлупы, прицепившейся к шкуре собачонки. – Мы с Мэйтландом собирались его изучить и проверить, можно ли его натренировать, чтобы оно охотилось за существами. У Скакка нюх на сверхъестественное, особенно зомби и подобное. Яйца Скакка – большая редкость, – добавил он не без гордости. – Нужно знать, где их искать на кладбище и только в определённое время. Сколько он от тебя откусил? – Руби подняла палец. – Хмм, – протянул мальчик.

– Всё плохо? – забеспокоилась Руби, не в силах взглянуть на палец.

– Нет. Этого не хватит, чтобы он заметно вырос...

– Я имела в виду свой палец.

– О, – произнёс Джонс и ухмыльнулся. – Ну он же не всю тебя съел, так ведь? – пошутил он в надежде, что и Руби увидит в ситуации что-то смешное. Но по её лицу было понятно, что не увидела. Когда один из чертенят прыснул со смеху, Джонс метнул в него неодобрительный взгляд.

– Вы трое, – сказал Джонс, указывая на стоявших в конце ряда. – Совок и щётка в шкафу в коридоре. Следующие трое – на дне гардероба в моей спальне есть

жестяная коробка. Принесите её. Последние трое, достаньте банку из шкафа на кухне, в которой вы все могли бы поместиться. – Последняя просьба вызвала хор неодобрительного ворчания. Но как только Джонс хлопнул в ладоши, все чертенята рассеялись за дверью.

Руби осмотрела свой палец.

– Извини, – сказала она.

Чертенята подмели пол и поместили череп обратно на стол. Они вернули Руби обувь, куда вновь вставили шнурки, и один из них нашёл ей новые носки. Когда они закончили работу, Джонс заставил их по очереди забраться в новую банку и исчезнуть в сером тумане, а затем положил крышку поверх и пальцем нарисовал какой-то символ. Шквал белых искр поднялся вокруг крышки, которая после этого сумела плотно закрутиться на банке и остановиться с громким щелчком.

– Это не полноценная магия, если тебе это интересно, – предупредил Джонс, когда увидел, что Руби уставилась на него большими, словно блюдца, глазами. – Кто угодно смог бы запереть этих чертенят, если бы знал, какой символ нарисовать. Всё, что я сделал, – применил к ним силу, которая уже тут есть из-за магии Мэйтланда. Это единственная причина, по которой чертенята делают то, что я говорю. По всему дому куча наложенных чар и заклинаний, которые продолжают работать даже после смерти Мэйтланда. Он сотворил их на случай, если с ним что-то произойдёт во время охоты.

– Так в этом вся суть инициации? В умении самостоятельно использовать магию?

– Да.

– И поэтому Мэйтланд дал тебе тот ключ?

Джонс медленно кивнул, еле слышно проклиная револьвер за то, что упомянул об этом по дороге домой. Порывшись в карманах, он вытащил серебряный ключ. Тот выглядел просто и был маленьким. Руби решила, что не увидела бы в нём ничего подозрительного, если бы нашла его лежащим в ящике или на полу.

– Если я буду использовать ключ так, как он укажет, – пояснил Джонс, – я получу магический дар. Но это самое лёгкое. Потом надо научиться правильно использовать магию, и на это уходят годы. – Он поднёс ключ близко к уху Руби, и она услышала едва уловимый шёпот, серебристый голосок, говорящий, что может раскрыть секрет магии любому, кто его использует. А потом Джонс отдёргнул ключ, прежде чем она могла услышать что-то ещё.

– Но ведь оно того стоит, правда? – спросила Руби, сверкая глазами. – И ты сможешь делать то, чего не умеют другие люди?

Джонс покачал головой:

– Мэйтланд всегда мне говорил: как только получишь магический дар, держись подальше от обычных людей, иначе они захотят от тебя чего-нибудь. Магия делает тебя отличным от остальных. И в том, чтобы от всех отличаться, мало хорошего, знаешь ли. – Джонс осмотрел ключ. – Я собираюсь выкинуть этот ключ, чтобы получить возможность носить нормальную одежду. Найти друзей. Ходить в школу. Я знаю, каков мир для тех, кто не стал Опустошителем, пусть и частично. В нём хватает чудес и без магии.

– То есть ты хочешь быть обычным мальчиком?

Джонс кивнул:

– Я думал, ты могла бы меня научить? Я быстро схватываю. Иначе Мэйтланд не сделал бы меня своим учеником. – Джонс горделиво выпятил грудь, словно воробей в холодную погоду.

Руби уставилась на Джонса – у него были уставшие глаза и худое измученное лицо. Она была не уверена, что он когда-нибудь смог бы привыкнуть к жизни в обычном мире, который она знала. Она задалась вопросом: продолжил бы он этого жаждать, если бы знал, каково на самом деле быть ребёнком, когда взрослые постоянно указывают тебе, что делать, хороших друзей сложно найти, а школа мешает заниматься чем-то поинтереснее. Но она улыбнулась и кивнула:

– Конечно, мы можем это обсудить.

Джонс заметил, что её взгляд порхнул в сторону ключа в его руке, и догадался, о чём она на самом деле думала.

– Среди Опустошителей никогда не было девочек, – сказал он. – Это устав. Орднунг, по которому мы живём. Ты не можешь пройти инициацию, потому что девочкам не дают магический дар.

Руби скорчилась:

– Этот Орднунг кажется глупостью, если хочешь знать моё мнение. Девочки ничем не хуже мальчиков. Так устроен современный мир. Ваши правила отстали от жизни.

– Да, я тоже так думаю, потому и хочу изменить свою жизнь. По крайней мере, это одна из причин. – И Джонс нахмурил бровь. – Мэйтланд ещё кое-что сказал мне про магию: она опасна, если не умеешь ей управлять. Некоторые Опустошители сходили от неё с ума. Совершали ужасные вещи. – Он постучал по голове. – Полагаю, как только она оказывается здесь, она может сгноить твой мозг, если не будешь осторожен. Так что я избавлюсь от ключа, как только выясню, как это грамотно сделать. – И Джонс затолкал ключ в карман брюк.

Он потёр глаза и так широко зевнул, что казалось, сейчас себе челюсть свернёт.

– Ты наверняка тоже устала, – моргая, сказал он Руби. – Я покажу тебе твоё спальное место. – Он поднял жестяную коробку, которую чертенята принесли из его спальни и в которую он аккуратно поместил крошечную чёрную собачку, и молча вышел.

Руби ещё раз осмотрела кабинет, раздумывая, каково это – творить магию. Сама идея заставила её улыбнуться. Когда она осознала, что череп на столе Мэйтланда уставился на неё, словно не одобряя всё, что она сделала и о чём сейчас думала, улыбка исчезла с её лица.

– Девочки ничем не хуже мальчиков, – прошептала она, перед тем как уйти и закрыть за собой дверь.

Но если бы она внимательнее взглянула на череп, она могла бы кое-что осознать. Например, что кровавая полоска, которую она оставила, когда сбила Скакку, давно впиталась в кость, и на её месте проросла густая шёрстка. Руби смогла бы даже увидеть крошечные вены, кружевом покрывшие поверхность черепа на щеках. А если бы Руби достаточно долго и упорно всматривалась в глазницы, она бы могла увидеть едва заметное оранжевое свечение.

Глава 6

Руби закрыла дверь спальни и немедленно почувствовала, как на неё накатила чудовищная усталость. В дальнем углу стояла аккуратно заправленная односпальная кровать с красным одеялом, чему она была несказанно рада. Напротив одной из стен величественно возвышался гардеробный шкаф. Она скинула рюкзак и постояла какое-то время, слушая тишину.

Задёргивая занавески, она оглядела раскинувшиеся в отдалении поля, посеребрённые луной. Она задумалась, что ещё из описанного Джонсом могло происходить в Пустынных землях, в тех местах, которые не замечали обычные люди. Может, огры купались в лунном свете в другом саду, или не менее свирепые тролли прямо сейчас тихонько крались в чью-нибудь спальню, оскалив зубы.

После того как Руби выключила свет и натянула одеяло до подбородка, она решила: хоть она и лежала в очередной странной постели, с этого момента всё будет по-другому. Никто ей больше не будет указывать, что делать. Ни соцработники, ни опекуны, ни даже Джонс. И уж точно не этот нелепый Орднунг, о котором она столько слышала. Впервые в жизни ей выпал шанс сделать что-то особенное и потрясающее, и она собиралась им воспользоваться. Когда она повернулась на бок и закрыла глаза, сразу же представила серебряный ключик и задумалась, какие ещё секреты он мог бы открыть, а потом сон унёс её прочь, в чужую прекрасную страну.

Джонс ходил по дому, проверяя, чтобы все окна и двери были закрыты, как это делал каждую ночь Мэйтланд. Теперь всё это принадлежало мальчику. Таков был порядок. Но он был уверен, что всё это ему не нужно. Магия опасна; он это

знал, потому что Мэйтланд так говорил, и ему совсем не хотелось себя с этим связывать. С тех самых пор как он достаточно подрос, чтобы охотиться вместе со своим Мастером, его завораживал обычный мир, который он должен был защищать – мир, где детям, кажется, давали свободу просто быть собой. Чем чаще этот мир мелькал перед глазами, тем больше хотелось стать его частью.

К тому времени как он закрыл все окна и двери, на него навалилась усталость, но необходимо было сделать ещё кое-что перед сном.

В огромном саду за домом рос кустик, спрятанный в зарослях крапивы и папоротника. Джонс специально посадил его здесь ранней весной, чтобы не попадался на глаза Мэйтланду, пока будет расти. Он поливал куст каждый день по мере возможности. И каждую неделю подкармливал его собственной кровью, выдавливая по несколько капель из пальца на ноге, опасаясь, что Мэйтланд заметит следы или красноту на пальцах рук. Куст требовал его крови для поддержания жизнедеятельности, потому что семя, из которого он вырос, было извлечено с помощью острого ножа из тела Джонса – из его пупка, где, как он узнал из одной книги Мэйтланда, оно и должно было находиться. Семя, из которого вырос куст памяти.

Джонс, как обычно, поливал куст в лунном свете. Но на сей раз он утоптал всю крапиву с папоротником вокруг, чтобы освободить пространство для роста, ведь теперь можно было не бояться, что его найдёт Мэйтланд. Как только в лейке закончилась вода и Джонс развернулся в сторону дома, он внезапно заметил крошечный плод, спрятанный в колючей листве куста. Плод был округлым, фиолетового оттенка, размером с ягоду голубики.

Обрадовавшись, Джонс встал на колени перед кустом. В книге Мэйтланда было сказано, что ягоды появлялись крайне редко, и Джонс осторожно осмотрел весь куст в поисках других плодов. Но он ничего не нашёл, не считая цветочка, дававшего надежду на появление ещё одной ягоды.

Как только он потянулся, чтобы сорвать ягоду, куст обхватил себя маленькими веточками, словно боясь потерять свой единственный крошечный фрукт.

– Я тебе ничего плохого не сделаю, – мягко сказал Джонс. – Но мне нужно забрать эту ягоду. Мэйтланда больше нет, так что мне надо узнать, кто я вообще такой. Я и дальше буду за тобой ухаживать, обещаю. Я тебя не оставляю. Но мне

надо вспомнить, кем я был до того, как меня нашёл Мэйтланд. Может, кто-то захочет со мной увидеться. – Он приподнял рубашку, демонстрируя маленький красный шрам в районе пупка. – Ты часть меня, помнишь об этом? Я бы никогда не смог забыть.

Ветки куста медленно расступились, позволив Джонсу сорвать ягоду с древовидного стебля. Он осторожно держал плод между пальцами, точно помня, что дальше предполагалось делать согласно книге Мэйтланда, – он это выучил в ожидании подходящего момента.

– Я хочу вспомнить последний раз, когда я видел маму или папу, – твёрдо произнёс он. – Я хочу их увидеть, чтобы получить шанс хоть что-то про них узнать. – Он поместил ягоду в рот. Кожица плода лопнула, когда он её прикусил, мякоть была сладковато-едкой, напоминавшей вишню. Он сглотнул и занервничал в ожидании того, что ему предстояло увидеть, размышляя, возможно ли было получить объяснение тому, что его оставили на ступеньках церкви, где его и нашёл Мэйтланд.

Внезапно Джонс почувствовал нестерпимое желание закрыть глаза. Он уставился в темноту внутри себя, и воспоминание начало воспроизводиться, чёткое, словно фрагмент фильма...

...он пристально смотрел в лицо женщине с тёмными волосами и зелёными глазами. Она ворковала, легонько его качая. А затем она повернулась, чтобы полюбоваться на себя в зеркале в полный рост, стоявшем за ней, и Джонс увидел, что она держала младенца нескольких месяцев от роду, одетого в голубые ползунки. Это был он! Он смотрел на себя! Значит, эта женщина, эта красивая темноволосая женщина с зелёными глазами была его матерью.

Когда она укладывала его в кроватку, Джонс успел заметить в отражении двух людей, входивших в комнату. Первым был мужчина, красивый голубоглазый блондин. Второй вошла пухленькая женщина средних лет. Ей было около пятидесяти. Её каштановые волосы были собраны в тугий пучок.

– Энджела хотела его увидеть, перед тем как он уснёт, – сказал мужчина, приобняв темноволосую женщину за талию, и они вместе смотрели, улыбаясь, на малыша Джонса в его кроватке. Над ним бесшумно кружила конструкция из

серебристых звёзд и полумесяца, но её заслонило собой лицо пухленькой женщины, которая склонилась над Джонсом с широкой улыбкой на добром лице. У неё были идеальные белые зубы, пухлые красные губы и безупречно чистая кожа. Она принялась, словно мальчик был свежее испечённым пирогом.

– О, – проворковала она. – Какой милашка. Он прелесть. Вы должны им гордиться.

– Мы гордимся, – ответил мужчина. – Но давай сейчас оставим его в покое. Мы пытаемся приучить его к режиму, чтобы и самим немного поспать, – рассмеялся он. И все трое вышли из комнаты, выключив свет, прежде чем закрылась дверь.

Джонс урчал и задыхался, пиная воздух. Но он оцепенел, когда увидел за рейками кровати, как мужчина в бейсболке и пальто вышел из стены, словно призрак. То был Мэйтланд. Он держал в руках револьвер.

Маленький Джонс ни звука не проронил, когда Мэйтланд наклонился и поднял его. Мужчина начал что-то шептать. Его голос становился то выше, то ниже, пока он резко не остановился, чтобы вырвать каштановый волосок с головы малыша. Как только он положил волос на матрас по центру кровати, тот пустил ростки. В течение нескольких секунд появилась макушка с тысячами коричневых волосков. Но это было ещё не всё. Вскоре в кровати появилась голова ребёнка. Сначала на ней ничего не было, но очень скоро стали проявляться черты лица Джонса. Его глаза. Его рот. Его губы. Мэйтланд крепко держал настоящего Джонса, пока его копия продолжала расти. Дальше появилась шея, выросли плечи и руки, а следом и тело с ногами, пока новейшая полная копия Джонса в голубых ползунках не оказалась в кровати. Мэйтланд удовлетворённо кивнул и унёс настоящего Джонса с собой.

Он крадучись спустился по ступенькам в коридор. Прокрался мимо комнаты, за закрытой дверью которой были слышны голоса и смех.

На комоде лежала стопка открытых писем. На крючках висели пальто.

Мэйтланд тихонько открыл входную дверь, прикрыл её за собой и побежал по подъездной дорожке, пока не оказался на безлюдной улице, освещённой оранжевым светом фонарей. Джонс слышал, как вокруг свистел ветер, как тяжело дышал Мэйтланд и как револьвер что-то бубнил.

Мэйтланд свернул на одну улицу... затем на другую... и потом ещё на одну.

Он прошёл мимо ряда магазинов, над одним из которых была вывеска «Зеленщик Джонс».

– Джонс, – произнёс Мэйтланд. – Это твоё новое имя, мальчик мой.

А потом воспоминание истаяло, и всё покрылось мраком.

Когда Джонс открыл глаза, он всё ещё был в саду, а во рту стоял едкий привкус плода с куста памяти. Его кулаки были так стиснуты, что в лунном свете они казались маленькими камешками. Всё, что рассказывал ему Мэйтланд о том, как нашёл его, оказалось ложью. И вина, которую испытывал Джонс из-за нежелания подчиниться своему Мастеру и продолжить работу Опустошителя, кристаллизовалась в нечто иное. Это был гнев.

Несколько секунд спустя он бежал к дому, а стук собственного сердца звенел в его ушах.

Револьвер похрапывал, когда Джонс открыл деревянный ящик и ударил его о пол кабинета Мэйтланда.

– Какого чёр...

– Вы с Мэйтландом всё это время лгали.

– О чём ты г...

– Вы не на ступеньках церкви меня нашли.

– Да что с тобой такое, мальчик мой? О чём ты говоришь? Тебе это приснилось?

Джонс сел на корточки рядом с револьвером.

– Нет. Я вспомнил. Я всё это время выращивал куст памяти. Я сегодня ночью обнаружил на нём плод, и когда я его съел, я увидел правду яснее чем божий день. Вы с Мэйтландом украли меня у моих родителей. У моей мамы были чёрные волосы и зелёные глаза, а папа был красивым блондином. И вы отобрали меня у них, прямоком из моей кровати со звёздами и полумесяцем над ней.

И впервые в жизни револьвер не нашёлся, что ответить.

– Расскажи мне, кто они, – потребовал Джонс. – И откуда я.

– Извини, Джонс, – взмолился револьвер. – Я не могу.

Но Джонс заревел от раздражения.

– Я знаю, что делают некоторые Опустошители: воруют детей, чтобы они росли сиротами и тренировались, а сами оставляют фетч вместо них, чтобы оно заболело и умерло. Я знаю, потому что мне рассказывали другие ученики. И теперь я знаю, что Мэйтланд был из таких Опустошителей и что он выкрал меня, чтобы сделать своим учеником. Так кем они были? – прокричал он. – Расскажи мне про моих родителей!

– Ты ни о чём не можешь меня спрашивать. Ты не можешь.

– Почему?

Револьвер вздрогнул.

– Джонс, не задавай больше вопросов. Ты не можешь...

– Кем...

Прежде чем мальчик смог закончить предложение, револьвер выстрелил, и пуля вошла в стену прямо за Джонсом, который замер на секунду, дрожа. Он дышал крошечными рывками. В правом ухе звенело. Он осторожно потрогал ухо и обнаружил болезненную царапину.

Джонс открыл рот от шока.

Но револьвер вновь содрогнулся.

– Джонс! Никаких больше вопросов. Пожалуйста! Это тоже заклинание. Я не могу рассказать всё, что знаю, ни тебе, ни кому-либо ещё. Мэйтланд хотел сохранить это в тайне.

Джонс закрыл рот. Хоть ему и отчаянно хотелось узнать больше, он понимал, что не мог разрушить наложенные на револьвер чары.

Он яростно обошёл весь кабинет Мэйтланда, роясь в ящиках, доставая книги с полка, в отчаянии пытаясь найти больше информации, чем он помнил. Но он ничего не нашёл.

Джонс помчался в спальню Мэйтланда, посмотрел под матрасом на латунной кровати, а затем упал на колени и пошарил в поисках неплотно закреплённой половицы, которая могла под собой что-то скрывать. Всё равно ничего.

Вспомнив, что в книге Мэйтланда было сказано, будто действие плода постепенно закончится, он уселся на полу спальни своего мёртвого мастера, пытаясь вновь увидеть воспоминание в надежде найти хоть какие-то зацепки о месте жительства его родителей. В конце концов, просмотрев воспоминание ещё дважды, он кое-что нашёл. Когда Мэйтланд дошёл до конца улицы, на которой стоял дом родителей Джонса, мальчик увидел железный уличный знак, закреплённый на низкой стене примерно на уровне коленок Джонса. Чёрные буквы на белой крашеной поверхности гласили:

Честерфорд Гарденс

NW3

Он нашёл ручку и клочок бумаги и записал эту информацию. Потом он спустился по лестнице и вышел на подъездную дорогу, где был припаркован фургон «Фольксваген». Отодвинув дверь, он вскарабкался внутрь, достал из ящика запрятанные там груды дорожных атласов и начал их просматривать, пока не нашёл нужный: «Атлас почтовых индексов Великобритании и Северной

Ирландии». В прошлом они с Мэйтландом использовали почтовые индексы, чтобы находить определённые места во время охоты, так что он точно знал, как искать увиденный в воспоминании индекс.

NW3, как он выяснил, был почтовым индексом округа Северного Лондона, в районе под названием Хэмпстед. На карте его границы были обозначены жирной красной линией и формировали нечто, похожее на континентальное государство. Джонсу казалось, что он нашёл свою родину. Полный страстного желания узнать больше, мальчик отложил атлас и нашёл Честерфорд Гарденс на карте улиц Лондона. Он улыбнулся, когда нашёл улицу, припоминая, как она выглядела в его воспоминании и как он мельком увидел родительский дом. Но его радость померкла, как только он вспомнил о вранье Мэйтланда.

Отложив карту в сторону, Джонс вернулся в кабинет и сел на колени рядом с револьвером.

– Я их найду, – прошептал он. – Я знаю, где они жили, когда меня украл Мэйтланд. В Лондоне. В месте под названием Хэмпстед. Я даже знаю, на какой улице. Так что я собираюсь найти своих родителей и снова стать обычным мальчиком, которым я изначально и должен был стать. Я пойду в школу. Найду друзей. Буду смотреть телевизор. И мне не придётся больше охотиться в Пустынных землях, потому что мне не нужно будет быть Джонсом – мальчиком, которого никто никогда не любил, даже Мэйтланд, лгавший ему.

– Лондон! – презрительно усмехнулся револьвер. – Ты же прекрасно понимаешь, что один там долго не протянешь. Мэйтланд ведь учил тебя, что там опасно, там полно всяких существ, а люди не те, кем кажутся. Оставь эту затею, мальчик мой!

Джонс выключил свет и оставил револьвер лежать на полу, игнорируя его мольбы забыть о прошлом и вместо этого сконцентрироваться на миссии, возложенной на него Мэйтландом – использовании ключа и прохождении инициации.

Укладываясь спать, он услышал мягкий серебряный голосок, который звал его по имени. Оказалось, что ключ в его кармане повторял то же самое, что и револьвер.

– Ни за что не буду тебя использовать, – прорычал в ответ мальчик. Он спрятал ключ, чтобы тот его не беспокоил, решив избавиться от него утром, когда найдёт лучший способ это сделать.

Забравшись в постель, он лежал в темноте, слушая тиканье и ропот дома. Потом Джонс вдруг заплакал, перевернулся на живот и зарылся лицом в холодную подушку, пытаясь унять ненависть, боль и гнев, рвавшиеся наружу из его рта и глаз.

Джонс и представить не мог, что в это самое время в темноте кабинета кое-что слушало бормотание револьвера о нём и его планах. Это был череп с острыми чёрными зубами, стоявший раньше на столе Мэйтланда, а теперь лежащий на полу в углу. Джонс ворвался в кабинет в ярости, когда решил его обыскать, а потому не заметил ни густую шерсть, покрывавшую макушку черепа, ни пристально смотревшие крошечные глазки, ни даже корень языка, прораставший, словно малюсенькая розовая луковица. Череп лежал в темноте, а тонкая красная полоска медленно формировавшихся губ ухитрилась едва заметно улыбнуться.

Глава 7

Как только раннее утро украдкой заглянуло в комнату, Руби прокралась в спальню Джонса. Она увидела, что лицо мальчика дёргалось во сне, и задумалась, какие кошмары он мог видеть.

Одежда, которую он носил накануне, была свалена кучей на стуле, и Руби порылась в ней, выворачивая карманы брюк. Но она не нашла то, что искала.

Она порыскала на шкафу, но там были только деревянная расчёска, кусачки для ногтей и чёрные носки, свёрнутые трубочкой. Она проверила ящики, как можно тише открыв и закрыв каждый из них, но нашла только чистое бельё, рубашки и брюки. На прикроватном столике рядом с мальчиком тоже не было никаких признаков ключа.

Руби в панике задалась вопросом, не успел ли Джонс уже избавиться от ключа. Но вдруг в тишине она услышала знакомый тихий голосок, звавший её по имени серебристым шепотком. Джонс повернулся во сне, угрожая проснуться, когда Руби вновь прислушалась.

Услышав своё имя во второй раз, она посмотрела вниз. Казалось, что голос звучал где-то под ногами. Когда он снова её позвал, она поняла, что он определённо шёл из-под деревянного пола, и встала на колени. Обнаружив дырку, в которой когда-то, возможно, был сучок, она просунула туда палец и потянула, поднимая половицу. На двух пыльных медных трубах расположился синий шерстяной носок. Голос снова позвал её по имени и рассказал ей то, что она и так уже знала: что это был ключ, спрятанный в носок. Боясь, что Джонс может проснуться, она схватила носок, затолкала в передний карман худи, и внезапно голос стих. Когда мальчик снова повернулся во сне, Руби сказала себе, что она не должна чувствовать вину. Джонс, может, и спас ей жизнь, но если он не был заинтересован в магии, то она определённо была, так зачем упускать такую возможность? Руби вставила половицу обратно и прокралась к двери. Она надеялась, что ключ расскажет ей, что делать дальше, как он сделал бы с Джонсом, потому что сама она понятия не имела, как им пользоваться.

Стоя на лестничном пролёте, она выложила ключ из кармана на ладонь. Ключ немедленно начал ей рассказывать, куда она должна пойти и что сделать. Руби пошла по ступенькам как можно тише и быстрее, сердце её колотилось от восторженного осознания, что она могла наконец-то наладить свою жизнь.

Когда дошла до двери внизу лестницы, Руби глубоко вдохнула, прежде чем войти. Перед ней растянулась длинная комната с красным ковром. Свет раннего утра струился через эркерное окно в дальнем конце комнаты. А прямо под подоконником стоял большой деревянный сундук.

Из окна Руби увидела часть сверкавшего от росы газона и решила, что день будет ярким и солнечным. «Идеальный день, чтобы всё начать сначала», – подумала она и направилась к деревянному сундуку, крепко сжав в руке ключ.

В стену слева были вделаны деревянные чучела животных в стеклянных ящиках. Некоторых она узнала – лисы, кролики, белки. Но другие существа были похожи на причудливую смесь разных видов животных, и она их точно не узнавала. Одни были покрыты мехом, другие – толстой коричневой чешуёй, у третьих было и то, и другое, да ещё и крылья вдобавок. Пока Руби шла по красному ковру в

сторону сундука, ей казалось, что каждое животное за ней следит.

Даже на расстоянии было видно, что старый сундук был сделан из дуба, словно слегка серебристого на вид. Металлическая отделка по краям крышки была оранжево-коричневой от ржавчины. Руби подумала, что сундук выглядел так, словно его утащили со дна моря после кораблекрушения. Когда она наконец дошла до сундука, ей вспомнился предупредительный тон голоса Джонса предыдущей ночью, когда он предупредил её, что магия могла сотворить с людьми и их сознанием. Но это не заставило её замешкаться. Она точно знала, что больше не хотела быть прежней Руби Дженкинс.

– Это честный обмен, – заявила она животным в стеклянных ящиках, вставая на колени перед сундуком. – Мои родители – алкоголики, которым я никогда не была нужна. Меня таскали с одного места на другое, от одних опекунов к другим. Так с чего бы мне не пытаться улучшить свою жизнь? Обещаю, я и Джонсу помогу получить то, что он хочет. – Руби услышала, как ключ согласился с ней, прошептав, что её судьба – пройти инициацию. Также он сказал, что взрослые никогда не смогли бы ей указывать, что делать, если бы она владела магией.

Руби вставила серебряный ключик в железную замочную скважину. Не успела она решить, в какую сторону его повернуть, как ключ самостоятельно повернулся по часовой стрелке, совершив полный оборот, и его поглотила замочная скважина.

Руби задумалась, что же должно произойти дальше. Она не чувствовала никаких изменений. Через пару секунд она попыталась открыть сундук, но он был плотно заперт.

Она отпрянула, сдержав крик, когда на крышке сундука появилось и моргнуло крошечное мужское лицо. Она увидела налитые кровью глаза и острые зубы. А потом лицо снова растворилось в деревянной поверхности, словно его тут никогда и не было.

Руби подняла трясущуюся руку и заправила за ухо прядку чёрных волос, ожидая, что ещё что-то произойдёт. И когда это случилось, она так вздрогнула, что чуть не прикусила язык.

Деревянный шарик размером с кулак вылетел из крышки сундука, оставив после себя выбоину, приземлился на пол и принял форму человечка. Сначала он сидел на корточках, потом поднялся и ухмыльнулся. Он был ростом всего несколько сантиметров, с растрёпанными каштановыми волосами. Большая часть его тела была прикрыта мягкой кудрявой шкуркой того же цвета. Руби даже не успела его ни о чём спросить, как точно такие же человечки начали вылетать из сундука, словно попкорн со сковородки, и отскакивать, подобно акробатам, приземляясь на ноги. Вскоре они начали выстраиваться в ряд по центру комнаты вдоль красного ковра.

В течение нескольких секунд сундук исчез, а ряд волосатых человечков диковатого вида растянулся почти до двери. Они ничего не говорили Руби, её рот был всё ещё открыт от изумления. Затем ближайший человек показал пальцем на что-то прямо за ней.

Под подоконником, где раньше стоял сундук, лежала на полу чёрная книжечка с обложкой из мягкой изношенной кожи и потрескавшимся корешком. Руби это напомнило старый молитвенник, который ей как-то раз дали в церкви, когда одна из её опекунских семей притащила её на службу.

В стремлении узнать содержимое книги, Руби подняла её и прочитала написанный золотыми буквами заголовок.

Лак Джд Дл Квфаксквл Унфртуспмб

Она сощурила глаза, пытаясь разглядеть хоть какой-то смысл, но ничего не получалось. Поэтому она пролистала окаймлённые золотом страницы, бегло просматривая испещрённый диаграммами и картинками текст. Но всё это выглядело таким же бессмысленным, как и заголовок. Более того, когда Руби присмотрелась получше, она обнаружила, что на каждой странице буквы двигались, постоянно перемешивались, из-за чего нельзя было что-либо понять. Её сердце застучало сильнее, когда она подумала, что могла что-то сделать не так.

– И что теперь? – спросила она, подняв взгляд. Но длинный ряд человечков почти исчез. Когда оставшиеся несколько ринулись за дверь, Руби захлопнула книгу и

побежала за ними.

Добежав до двери, Руби услышала хихиканье и не могла понять, откуда оно исходило. Голос был таким же, как и у ключа. Теперь она всё поняла. То был голос самой магии, и она одурачила девочку, которая осознала, что человечки отправились на поиски Джонса, услышав галоп крошечных ножек на ступеньках. Руби бранилась, пока неслась на всех парах в кабинет Мэйтланда. Инициация определённо шла не по плану.

Револьвер громко храпел на полу, а пол вокруг него был усеян книгами и бумагами, но у Руби не было времени выяснять причины. Она просто подняла его и побежала с ним прямым ходом в прихожую. Револьвер бессвязно бормотал спросонья, спрашивая, что происходит. Но если бы Руби остановилась и потрудились осмотреть комнату, она заметила бы, что на полу, спрятавшись в углу за столом, лежало кое-что ещё.

Заметное в лучах утреннего солнца, там лежало полностью сформированное обнажённое тело человека с лысой головой, кремово-белой бледной кожей и чёрными острыми зубами, похожими на держатели для карандашей.

Он облизнул губы и вздрогнул, прежде чем приподняться на локтях и сесть у стены, в то время как крошечные обрубки его ног продолжали расти.

Глава 8

Джонс проснулся от толчка. Громкий скрипучий звук в противоположном конце комнаты заставил его подняться и сесть на кровати, а затем он вновь услышал царапанье.

Дверная ручка начала медленно поворачиваться.

– Руби? Это ты? Тебе что-то нужно?

Когда Джонс выкарабкался из постели, дверь распахнулась, и лесенка из волосатых человечков, вскарабкавшихся друг другу на крошечные плечи,

развалилась и рухнула на пол.

Джонс отшатнулся назад, в то время как они ручейком побежали по деревянному полу, и его моментально проснувшийся мозг в суматохе предупредил его, что это были Вудвоуз, когда дверь захлопнулась. Он отбил ноги от первых добежавших до него человечков, но остальные прыгнули на его пижамные штаны и начали подниматься. Те, кого он сумел вывести из строя, ударились об пол с тихим «уффф» и сидели, потирая головы.

Джонс кричал и ругался, когда другие Вудвоуз начали бить кулаками и кусать его ноги. Когда он снова попытался их пнуть, крошечные руки обхватили его лодыжку и толкнули, и Джонс рухнул.

Он не смог подняться, его руки уже были по швам, а затем его покатали по полу. Когда Джонс остановился, он понял, что его завернули в большой коричневый коврик, который обычно лежал у подножия его кровати. Он оказался в ловушке, плотно завёрнутый, словно мясо в пирожке.

Вудвоуз начали оживлённо болтать, и в это время их небольшая группа загнала одного из них в угол, навалившись на него, и он исчез в толкучке. Когда в руках одного крошечного Вудвоуза появилась волосатая отрубленная рука, Джонс с трудом подавил приступ тошноты. Он с ужасом наблюдал, как существо начало использовать окровавленную руку в качестве огромной шариковой ручки, рисуя что-то на полу. Другие Вудвоуз начали делать то же самое с другими частями тела. Символы и руны, которые Джонс не узнавал, начали появляться на половицах. На многих других человечков тоже набросились, и они исчезли, крича под тяжестью тел.

– Джонс! – орала Руби с обратной стороны двери. – Джонс! С тобой всё в порядке?

– Фама как думаеф? – сердито крикнул Джонс через распухшую губу.

– Джонс, я помогу тебе, хорошо? Я обещаю. Я не знала, что так выйдет. Мне не стоило брать ключ. Извини. Магия обманула меня.

Когда Руби открыла дверь, группа бросилась закрывать её. Руби толкала дверь, а человечки толкали её в обратную сторону. Наблюдая, как дверь двигалась

взад-вперёд, словно качели, Джонс понял, что произошло. Руби украла ключ и открыла сундук. Его инициация началась.

– Зряяяя я тебеeee помог, – завыл Джонс. – Зряяяя. – Слёзы потекли по его лицу. – Надо было оставить тебяяя Аркелллу.

Чем сильнее Руби толкала дверь, тем яростнее её оттесняли.

– Что мне делать? – крикнула она револьверу, который держала в руке. – Как мне их остановить?

Но револьвер просто рассмеялся:

– Ты не сможешь. Ты оказала Джонсу услугу. Вот увидишь. Теперь, когда Вудвоуз на свободе, их не остановить. Это дикие люди, рождённые глубоко в лесах Англии, вылупившиеся из-под земли благодаря магии. Их не остановить таким, как ты.

Руби просунула револьвер через небольшой проём между дверью и дверной коробкой, нацелив его на человечков, но когда она нажала на курок, ничего не произошло.

– Ты не можешь заставить меня выстрелить, если я не хочу, – крикнул револьвер. – И этого хотел Мейтланд, поэтому я не собираюсь вмешиваться!

– Но Джонс этого не хотел, – сказала Руби. – Я не могу допустить, чтобы это случилось с ним. Особенно после того, как он спас мне жизнь прошлой ночью.

Но револьвер просто смеялся:

– Тогда не надо было вмешиваться в дела, которые ты не понимаешь, девочка. Тебе вообще не следовало брать этот ключ.

В глубине души Руби знала, что револьвер прав, но она отбросила эту мысль, отчаянно оглядываясь по сторонам в поисках помощи. Дальний шкаф на лестничной площадке был приоткрыт, и она увидела, что внутри в темноте стоял

старый пылесос. Судя по виду, он был в нерабочем состоянии, словно старый трактор, оставленный гнить в сарае. Но идея, какой бы нелепой она ни была, заполнила сознание Руби.

Чёрная книга, которую она подобрала внизу, лежала в большом переднем кармане её толстовки. Вынув книгу, она открыла её и втиснула половину в щель между нижней частью двери и полом. Она медленно встала, позволив двери наклониться вперёд, а затем защемить книгу, чтобы та оставалась открытой.

Руби побежала к шкафу по площадке. Не обращая внимания на крики револьвера, который она бросила на тёмную полку, девочка вытащила пылесос и побежала с ним обратно, но затем остановилась, осознав, что на нём нет ни шнура, ни провода, ни вилки. Вспомнив, как свет включился без электричества, Руби нажала на красную кнопку включения, надеясь, что пылесос тоже заколдован. Машина заревела, вертикальный мешок со скрипом вздулся, и Руби как можно быстрее толкнула пылесос обратно к двери.

И как раз вовремя. Человечки убрали чёрную книгу, но Руби удалось прижать пылесос к двери, прежде чем она захлопнулась. Руби протолкнула металлическую насадку шланга через щель между дверью и дверной коробкой и пошевелила рукой. Она услышала крик и почувствовала, как что-то врезалось в трубку, а затем она увидела очертание крошечного лица, прижатого к мешку пылесоса изнутри.

– ДА! – воскликнула она, и её сердце победоносно билось. – И это их не может остановить такая девочка, как я? – крикнула она лежавшему в шкафу револьверу и начала всасывать пылесосом остальных человечков по ту сторону двери.

Джонса бесцеремонно выкатили из ковра на середину спальни, а затем пинали, толкали и пихали, вынудив его свернуться в клубочек. Как только появилась возможность, он подскочил, намереваясь бежать к двери, но остановился, когда его окружило нечто, похожее на мерцающую жару, поднимающуюся с пола. Это нечто было даже выше его. Прикоснувшись к нему, он обнаружил твёрдую, как стекло, поверхность. У мальчика было странное ощущение, что его поймали, как жуков, которых он запирает под перевернутой банкой из-под варенья, когда был совсем маленьким мальчиком, ещё до того, как отправиться на охоту с Мэйтландом.

Посмотрев вниз, Джонс увидел, что он стоит внутри круга из кровавых рун и символов, начерченных на полу, и он знал, что они производят какую-то магию, не позволяющую ему никуда уйти. Сквозь дымку Джонс мог видеть одного особенно волосатого Вудвоуза, чуть больше остальных, произносящего мрачную молитву, на крошечном лице которого блестела кровь. Другие человечки слушали с поднятыми руками, а затем они тоже начали петь.

Дверь спальни распахнулась, и сквозь дымку, окружавшую его, Джонс увидел Руби со старым жужжавшим пылесосом наперевес. Серый мешок раздулся, и Джонс понял почему, когда Руби направила металлическую насадку на пару крошечных человечков, мчащихся к ней, и всосала их пылесосом. Руби торжествующе улыбнулась и направилась напрямик к Джонсу, по пути всасывая всё больше человечков. Но выражение её лица немедленно изменилось, когда мешок внезапно лопнул с громким «БА-БАХ!» и большая группа Вудвоуз упала на пол, кашляя и плюясь в облаке пыли.

Пока Руби отчаянно пыталась ударить некоторых волосатых человечков насадкой от пылесоса, Джонс колотил ногами окружавшую его дымку. Но в итоге он только отбил пальцы рук и ног.

Когда Вудвоуз стали петь всё громче и громче, Джонс рухнул на пол и стал ждать своей судьбы. Он спрятал голову между коленями, когда лицо Руби появилось в тумане на другой стороне. Он не хотел её видеть. Это она во всём была виновата. Она хотела пройти инициацию, и расплачиваться за её глупость пришлось ему. Если бы Джонс получил магический дар, то первым делом использовал бы его, чтобы заставить Руби заплатить за всё, что она сделала.

Руби ударилась о жёсткий барьер, окружавший Джонса, когда над его головой появилась точка белого света. Девочка ударилась ещё сильнее, пытаясь ворваться внутрь.

Она закричала на Вудвоуз, умоляя их остановиться. Но они даже не замечали её. Белый свет над головой Джонса сиял всё ярче и ярче, и она рухнула рядом с ним, как будто вина внутри неё была слишком тяжкой ношей. Рядом с ней в полу была дыра, которую она использовала, чтобы поднять доску и украсть ключ. Как же ей хотелось повернуть время вспять и никогда не брать его!

И тогда её озарило.

Она быстро просунула палец в отверстие в полу и приподняла половицу, на которой были начерчены кровавые руны и символы, а затем бросила её за спину, где она с грохотом приземлилась.

Джонс поднял голову. Когда он понял, что Руби разорвала кольцо из рун и символов, он протянул руку и обнаружил просвет в тумане прямо над тем местом, где была половица. Он протолкнул руку дальше, и Руби схватила её и потянула. Но щель была такой же по ширине, как и отсутствующая половица, что означало: Джонс не смог бы в неё пролезть. По мере того как пение в комнате становилось все громче, белый свет над ним становился все ярче, а затем внезапно поглотил его.

Руби почувствовала, как ужасное чувство жжения перенеслось из руки Джонса в её руку, затем через плечо к шее, а потом к голове. Это было так больно, что казалось, будто к её мозгу приложили крапиву, и она увидела странные символы, словно выжженные внутри её век. Помимо шума в ушах она услышала пронзительный крик и поняла, что это Джонс. Но она и сама кричала.

Они кричали в унисон.

Глава 9

Когда Джонс открыл глаза, ему пришлось подождать, пока спальня перестанет вращаться перед глазами.

Когда комната остановилась, он понял, что лежит на спине и смотрит в потолок. Взглянув направо, он увидел рядом с собой Руби, от неё шёл едва-заметный пар, словно от только что закипевшего чайника. Нечто глубокое и тёмное завладело им, и на мгновение, охваченный яростью, Джонс понадеялся, что она мертва, как вдруг она издала стон. Тогда он увидел, что они до сих пор держатся за руки, и немедленно отпустил руку девочки.

- Ты в порядке? - пробормотала Руби.

– Я жив, если ты это имеешь в виду, – прохрипел Джонс, медленно садясь, и заметил, что все руны и символы на полу исчезли. В горле у него пересохло. Он одновременно чувствовал вкус груши, древесного дыма и уксуса.

– По крайней мере, волосатые человечки исчезли, – бодро произнесла Руби, но её улыбка не вызвала отклика у Джонса.

Он встал, не переставая стонать, потому что у него болела голова.

Когда Руби заметила лежащую на полу рядом с дверью книгу из чёрной кожи, она с замиранием сердца осознала, что могла теперь прочитать название.

Чёрная книга обучения колдовству

Она вскочила на ноги. Слова на страницах теперь тоже можно было прочитать. Пролистывая книгу, она видела заклинания на все случаи жизни: левитация... превращения... погодные циклы...

– Посмотри! Слова, я могу их прочитать! А ты можешь? – Она поднесла книгу к глазам Джонса, который только отрывисто кивнул и отвёл взгляд.

– Я не хочу ничего этого видеть, – сказал он.

– Итак, я прошла инициацию, получила дар магии, если я могу прочитать то, что написано в книге, верно? – У Джонса настолько болела голова, что он не мог говорить. – Верно? – не умнмалась Руби.

Джонс только пожал плечами:

– Да, – сказал он.

Прежде чем Руби успела что-то спросить, они оба услышали звук разбитого стекла внизу. Мгновение спустя раздался пронзительный крик и мерзкие голоса чертенят. А потом Джонс и Руби переглянулись, поняв, что эти вопли отнюдь не

крики радости. Чертенята верещали.

Джонс остановился возле кабинета Мэйтланда, Руби стояла за ним. Услышав писк, он толкнул дверь.

Бледный лысый мужчина, сидевший за столом, был одет в красную бархатную занавеску, которая висела на перилах над большим окном в кабинете. Он держал чертёнка за туловище, и бедное существо снова закричало, когда мужчина открыл рот. Он откусил его голову своими острыми чёрными зубами и плюнул на пол. Ноги чертёнка всё ещё дёргались, и человек пил кровь из этого существа, словно из бутылки.

Безголовые тела остальных бесов лежали на ковре, как тряпичные куклы, окружённые осколками разбитой банки.

Когда мужчина заметил, что Джонс стоит в дверях, он улыбнулся.

– Где Мэйтланд, Джонс? – Его голос был хриплым и едва слышным. Он поднял руку, чтобы вырвать что-то красное и мясистое из уголка рта, его длинные бледные пальцы дрожали.

– Мэйтланд мёртв.

Человек медленно улыбнулся, как будто услышал кульминацию шутки, которую ему не сразу удалось понять.

– Как ужасно... – он махнул рукой, словно подбирал правильное слово... – неудобно для тебя, Джонс, мой мальчик. И для твоей подруги тоже. – Мужчина улыбнулся Руби: – Привет, Руби Дженкинс. Как твой палец?

Руби уставилась на острые чёрные зубы мужчины. Она открыла рот, а затем снова закрыла его, когда что-то щёлкнуло в её голове, и она начала взглядом искать череп на столе. Но его там не было. Мужчина медленно кивнул:

– Всё верно, я снова стал собой. Мне хватило нескольких капель твоей крови, чтобы сломить грязное маленькое связывающее заклинание Мэйтланда. Спасибо, дорогуша. Никому не хотелось бы сидеть взаперти в черепе. – И он

склонил голову, как принц перед королевой. – Как только я восстановлю силы, буду наслаждаться остальной кровью из твоего тела и твоего тоже, Джонс. Вы оба поможете мне стать, – он улыбнулся, – нормальным, таким, каким я был прежде.

– Вы должны уйти! – крикнула Руби, волна храбрости пронзила её. – Или... – Она потянулась к карману за револьвером и поняла, что его там нет, вспомнив, что оставила его на полке в шкафу наверху. Человек уставился на Руби чёрно-жёлтыми глазами.

– Или... что? – спокойно ответил он. – Ааа, – протянул он, глядя на «Чёрную книгу обучения колдовству» в другой руке Руби. – Возможно, магия Опустошителей? Я знаю... – Человек сглотнул, его горло трещало, как грязная трубка. – Я тоже знаю магию. – Он протянул руку и прошептал несколько странно звучащих слов, вызывая слабые сероватые искры из своих пальцев, что, кажется, ему очень понравились.

– На самом деле, – начала Руби, листая страницы книги, – к несчастью для вас, я только что прошла инициацию. Так что, возможно, я попробую воспользоваться магией.

Мужчина засмеялся:

– Девочки не могут пройти инициацию. Магия Опустошителей подходит только для мужчин и мальчиков.

– Тогда, может, проверим? – начала напевать себе под нос Руби, пытаясь не терять присутствия духа, пока она листала книгу. Но сноски и звёздочки, казалось, встречались почти на каждой странице. Слово «ВНИМАНИЕ!» тоже было написано на многих из них. Другие, кажется, требовали огромного количества ингредиентов. Книга раскрылась на странице с заклинанием, которое выглядело менее опасным и сложным, чем другие:

Исцеление фурункулов, бородавок и язв

Руби пролистала страницу:

Прочистка носа

Руби резко захлопнула книгу и снова обратилась к мужчине:

– Послушайте, вам нужно уйти, иначе Джонс вас заставит. – И она сунула книгу в руки мальчика. – Учитывая, что я новичок во всём этом, – пробормотала она, – возможно, тебе стоит взяться за дело.

Но Джонс вернул ей книгу.

– Я не буду использовать магию, – прошипел он. – Никогда. В любом случае, я не знаю, что делать.

Человек, завёрнутый в красную занавеску, неуверенно поднялся из-за стола. Искры, которые он производил пальцами одной руки, стали намного темнее и ярче. Руби и Джонс отступили назад в коридор, крайне опасаясь того, что может произойти.

Пробормотав ряд слов, мужчина щёлкнул пальцами, посылая поток чёрных, как уголь, искр в сторону чертенят. Мёртвые безголовые существа вернулись к жизни и встали, покачиваясь.

Мужчина засмеялся:

– Я определённо становлюсь сильнее. Я чувствую, как магия возвращается ко мне, и это ощущение... прекрасно. Я думаю, что, возможно, готов к схватке с тобой, мальчик. – И он щёлкнул своими острыми чёрными зубами. – Возможно, я даже и с девчонкой справлюсь. Ваша кровь позволит мне сделать гораздо больше, чем я могу сейчас.

Очередная струя чёрных искр вылетела из пальцев мужчины, и головы бесов поднялись с пола и полетели по воздуху назад к их телам, а затем закрепились как надо на их плечах.

Руби и Джонс сглотнули в унисон, когда к ним побежали зомбированные чертенята. Джонс потянулся вперёд и захлопнул дверь как раз вовремя, и они услышали скрип острых ногтей и смех мужчины.

– Кто он? – спросила Руби. – Что он?

– В подвале есть большой топор, – ответил Джонс. – Нам он понадобится, как и револьвер, если ты, конечно, сможешь его использовать. – Он посмотрел на Руби, но она всё ещё ждала ответа на свой вопрос. – Его зовут Виктор Бринн, и он Пустой. У нас мало времени. Он будет становиться только сильнее. И если это случится, мы оба покойники. Это твоя вина. Всё это. – Джонс развернулся и пошёл по коридору.

Огромный топор прислонился к стене в подвале. Он был даже тяжелее, чем ожидал Джонс, когда тащил его по каменному полу, прежде чем взгромоздить на плечо. Как только удалось поймать равновесие, он пошёл по хрупкой деревянной лестнице босыми ногами, ругая себя за то, что не надел ботинки, несмотря на то что всё ещё был в пижаме.

– Снова, начни снова, – сказала Руби.

Джонс посмотрела на вершину крутой лестницы, где она стояла, вращая рукой, как пропеллер, как будто пытаюсь ускорить свой мозг.

– Виктор Бринн когда-то был Опустошителем, а потом превратился в Пустого, – рассказал Джонс.

– Я опять забыла, что это?

– Опустошитель, который прошёл инициацию, но в итоге настолько испортился, что начал заниматься электрафт. – Джонс глубоко вздохнул и потащил себя и топор вверх по лестнице.

Он видел, что Руби начала вращать рукой ещё быстрее.

– Извини, не мог бы ты объяснить нормальным языком, я с этого момента вообще ничего не...

– Это англосаксонское слово для обозначения тёмной магии, – кратко пояснил Джонс. – Магия, для действия которой нужна кровь. Ты видела, что случилось после того, как Виктор Бринн осушил этих чертенят.

Рука Руби замерла.

– Значит, чем больше крови он пьёт... тем больше эгле-что-то-там он может делать.

Джонс остановился и кивнул, отдышавшись, и понял, что он только на середине лестницы, ведущей наверх.

– И ему не слишком много потребовалось, чтобы освободиться от связывающего заклятия Мэйтланда, как выяснилось .

– Ну откуда мне было знать, что Мейтланд держал в своём кабинете нечто настолько опасное?

Джонс пристально взглянул на неё, потому что они оба знали, что это вовсе не оправдание.

– Хорошо, хорошо, извини, – сказала Руби. – Так что же нам теперь делать?

Джонс глубоко вздохнул и продолжил подниматься по лестнице.

– Мы застрелим Виктора Бринна серебряной пулей иотрежем ему голову. Это работает в большинстве случаев, если попал в затруднительную ситуацию и не знаешь, что делать. По крайней мере, этому меня научил Мэйтланд.

Когда он снова поднял глаза, Джонс увидел, как Руби была ошеломлена его словами. А затем её выражение лица сменилось более растерянным.

– В большинстве случаев?

– Я всего лишь ученик. Ты знаешь, как убить Пустого вроде Виктора Бринна?

– Мы могли бы проверить твой «Бестиарий», карманную книгу.

– У нас нет времени изучать книгу, пока Виктор Бринн получает всё больше крови и становится ещё сильнее.

Джонс добрался до верхней ступеньки, неустойчивым шагом пошёл по коридору, тяжело дыша, и опустил большой топор.

– Хорошо, но мне это не нравится, – парировала Руби. – Что если твой способ не сработает?

– Ну, вообще-то мне не понравилось, что ты украла ключ, – ввернул Джонс. – И нарушила заклятие, наложенное на Виктора Бринна. И позволила вылупиться щенку Скакка. И выпустила этих чертенят из банки.

Руби прикусила язык, прежде чем начать листать страницы чёрной кожаной книжки.

– А как же магия? – бодро спросила она. – Должно же быть какое-то заклинание, которое я смогу использовать, если как следует поискать.

– Нет. Использовать магию сложнее, чем ты думаешь. Сначала тебе нужно научиться всё делать правильно, иначе в результате можно получить совсем не то, что хотелось бы. Хочешь совет? Не используй эту книгу. Никогда. – Он закрыл книгу на руках Руби. – Мы будем придерживаться моего плана. Ты будешь стрелять, а я буду резать. Разрезать шею сложно, а я сильнее тебя. Кроме того, я не могу использовать револьвер. Ты помнишь, где его оставила?

– Да.

– Давай прямо сейчас с этим разберёмся, – попросил Джонс, снова закидывая тяжёлый топор на плечо.

Они появились в дверях кабинета Мэйтланда несколько минут спустя, и Руби почувствовала небольшое облегчение, когда увидела, что Виктора Бринна там

нет.

– Похоже, он сдался и ушёл, – сказала она, указывая на большое окно в дальнем конце кабинета, которое было открыто. – Мы в безопасности.

– Нет, ничего подобного. Всё даже хуже, чем было, – ответил Джонс, пока девочка шла за ним в кабинет, виляя между разбросанными по полу чертенятами. – Он будет искать ещё больше крови там, – и Джонс указал на сад. Прежде чем Руби успела спросить, что именно он имел в виду, он начал карабкаться через окно, таща за собой топор. – Быстрее, дай мне руку, – попросил он.

Снаружи синее небо пропело длинную ноту. Роса на траве была холодной и скользкой под босыми ногами Джонса, и он снова подумал, что стоило надеть ботинки, идя по следам Виктора Бринна.

В конце концов он остановился рядом с аркой, ведущей в огороженный сад. На траве лежал кролик, у него была сломана шея, а кровь была высосана настолько, что тело напоминало старый серый носок. За ним было ещё больше следов Виктора Бринна, ведущих в огороженный сад. Джонс осторожно всматривался в арку, а топор лежал на земле рядом с ним.

Слева, на небольшом расстоянии, в клумбе, стоял Пустой, погрузившись в неё по лодыжки. Лицо Виктора Бринна теперь было не таким бесцветным. Вокруг него лежали тела ещё нескольких кроликов и даже парочки ворон. Он поднял руки, пробормотал что-то и выпустил чёрные искры в почву. Кролик вырвался из-под земли в брызгах грязи прямо в его раскрытые руки, и Виктор Бринн прикусил мягкую пушистую шею, жадно посасывая.

Джонс отступил от арки, ткнул пальцем в револьвер в руке Руби, а затем указал на огороженный сад, убедившись, что она поняла его. Руби пробралась через арку и, увидев Виктора Бринна, стоявшего спиной к ней, подняла револьвер. Но её рука начала дрожать, когда она поняла, что собирается сделать.

– У тебя всё получится, – прошептал револьвер. – Но мне нужно быть ближе, чтобы точно попасть. – Руби подкралась ещё на несколько шагов и остановилась. – Теперь прицелься, задержи дыхание и нажми на спусковой крючок, а я сделаю всё остальное. – Руби посмотрела вдоль ствола, целясь в

спину Виктора Бринна, и задержала дыхание. Но прежде чем она успела выстрелить, Пустой повернулся и посмотрел прямо на неё. Мысли жужжали в её голове, как осы. «Это был человек? По крайней мере... Что ж... Что-то в этом роде. Как она могла...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vollis_dzh-r/mal-chik-s-odnim-imenem

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)